

Евгений Калачев

СЕТЬ ПЕТРОВСКОГО

Самый скандальный прецедент в истории
высшего образования...

Евгений Калачев

Сеть Петровского. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26713133

ISBN 9785448580925

Аннотация

Современная Россия. Университет в провинциальном городе. История группы студентов, которой удалось поставить на поток всю «теневую экономику» в своем вузе. У каждого из них были свои мотивы, но даже они не догадывались, как далеко готов зайти их лидер, не знающий сочувствия и страха и не способный остановиться... Они стали самым скандальным прецедентом в истории образования. А эти 5 лет их жизни превратились в настоящий кошмар...

Содержание

Пролог	5
1. Новая жизнь	9
2. Наследие	63
3. Стая	110
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Сеть Петровского

Часть 1

Евгений Калачев

© Евгений Калачев, 2017

ISBN 978-5-4485-8092-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Март 2015

– Расскажите мне все, что знаете сами

– Я... честно говоря, я даже не знаю, с чего начать...

– Начните с главного. В какой момент ситуация в НГПУ полностью вышла из-под контроля?

– Сложно назвать конкретный момент в случае с НГПУ. Скажу лишь, что мы полностью потеряли образование с той самой минуты, как реформа вступила в силу. Когда ВУ-Зы перешли на так называемую «кредитно-модульную» систему, когда живых преподавателей на экзаменах заменили компьютеры...

– Давайте так: я здесь не для того, чтобы порассуждать о несовершенстве западной системы образования, договорились? У вас, кажется, проблемы с коррупцией в университете, причем большие, раз вы сами просите нашего вмешательства!

– Это не просто коррупция, это нечто такое, чего не было еще никогда. Я не случайно заговорил о реформе, понимаете? Новое время, новые законы и правила, они рожают новые проблемы. Такие, которых раньше не было. С которыми еще просто не существует известных методов борьбы...

– Хорошо. Если я правильно понял ситуацию с ваших

слов, группа студентов фактически захватила власть в целом ВУЗе... объясните, как такое вообще возможно?

– Это и есть то, о чем я пытаюсь сказать. Помните девяностые годы, когда никто фактически не знал такого понятия, как «организованная преступность»? Почему ОПГ смогли стать реальной формой власти? Потому что никто не сталкивался с этим раньше. Никто не знал, как с ними бороться. Феномен «сети» фактически повторяет историю с появлением организованной преступности в «девяностых». Не мне вам рассказывать, что коррупция в учебных заведениях была практически всегда, этот факт, увы, общеизвестен. Но систематизировать ее, практически превратив весь ВУЗ в свой собственный нелегальный бизнес... такого раньше не делал никто. Мы даже не предполагали, что подобное возможно, и когда все случилось, не знали, что можно предпринять. А потом стало слишком поздно...

– Смеетесь? Вы действительно хотите сказать, что студенты с разных факультетов НГПУ объединились в банду и поставили все взятки на поток?

– Они поставили на поток все. Любая информация, которая могла бы иметь ценность в НГПУ, сейчас продается. Продается через них. Помните разговоры, что реформа отчасти направлена на борьбу с коррупцией? Нет, только не для нашей страны. Правда в том, что все стало еще хуже...

– Иными словами, на территории НГПУ фактически действует студенческая организация со своим маленьким неле-

гальным бизнесом? И, как я понял, с ними считаются все. Неужели у администрации ВУЗа нет средств, чтобы их приструнить?

– Теперь уже слишком поздно. Они, как паразит-симбионт. Они уже стали неотъемлемой частью системы. Они авторитетны, организованы и, что самое главное, информированы. Никто не пойдет против них. Для некоторых это невыгодно. Для других – просто чревато. Все зашло куда дальше простого отмывания денег. Они куда опаснее, чем можно представить. Это настоящая банда...

– То, что вы рассказываете – немыслимо. Но я попытаюсь помочь. Если это банда, мы ее обезвредим. Но нужны факты. Экономические преступления – скользкая вещь. И ловить здесь нужно на фактах. И если вы предоставите факты, они все отправятся за решетку...

– Я не был бы столь резок в суждениях. Понимаете, не все из этих ребят – готовые преступники. Практически у каждого свои причины состоять в «сети». На кого-то из них давят. Кого-то вынудили обстоятельства, нужды. А большая часть следует ложным идеалам, внушенным им ложным идолом. Петровским...

– Петровский – глава этой самой «сети»?

– Глава, создатель и мозговой центр. Совсем не обычный студент. Когда он только пришел в НГПУ... в нем самом, в его поведении, взгляде сразу было заметно нечто такое, что отличало его от других. Отличало совсем не в лучшую сторо-

ну. Но мы и предположить не могли, что он способен на такое. Константин Петровский – единственный по-настоящему страшный человек из всей «сети». Единственный настоящий преступник. Все остальные просто одурманены и словно слепцы идут тем путем, который он им показал...

– Прямо мессия какой-то...

– Скорее наоборот. Но эти люди пошли за ним. Он знал, кого выбирать. Он не просто отличный стратег и тактик, он – отличный психолог. Он знал, на что давить, привлекая в свою «сеть» тех или иных студентов. И он не прогадал. Но все это можно остановить...

– Факты. Я уже понял, что ваш Петровский – очень страшный человек, которого вы сами почему-то не смогли удержать под контролем. Но мне нужны факты, чтобы остановить его самого и его банду.

– Достаточно будет обезглавить их. Без Петровского «сеть» прекратит существование. И у меня есть для вас факт. Очень крупное и серьезное дело. Пожалуй, самое крупное за все время существования «сети». И он пойдет сам. Просто не доверит кому-то другому. И тогда вы сможете поймать его за руку. И положить конец всему этому...

1. Новая жизнь

1 курс. Сентябрь 2010

– Сережа, ты покушал? – послышался оклик мамы из комнаты.

– Да, мам, спасибо! – отозвался Макаров, поднявшись из-за стола.

– Да ладно, оставь, сама помою, – мама вошла на кухню, – в институт ведь опоздаешь.

– Не опоздаю, мам! – Сергей улыбнулся и включил воду, – еще целый час, как раз приду к началу пары. Негоже опаздывать в самый первый день, – он принялся натирать тарелку.

– Ты после занятий на тренировку, или как? – уточнила мама, осторожно садясь за кухонный стол, такой же маленький, как и сама кухня в квартире Макаровых.

– Да, – Сергей поставил тарелку на полку кухонного шкафа и повернулся к маме, – я поговорил с Павлом Дмитриевичем, и он разрешил мне пока посещать тренировки. Дмитрич – хороший мужик, мам, он все понимает, – на секунду в глазах Макарова мелькнула грусть, но он поспешно подавил негативные эмоции. Незачем лишний раз расстраивать мать, здоровье у нее и так слабое.

– В следующем месяце все равно придется платить, – мама тяжело вздохнула.

– Я решу эту проблему, мам, не переживай, – Макаров сел за стол и взял мать за руку, – что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю.

– Ты уже совсем взрослый, – негромко сказала мама, глядя на рослого и широкоплечего Сергея, выглядевшего старше своих восемнадцати лет.

На некоторое время в кухне воцарилось молчание. Было слышно, как из старенького крана капает вода. Макаров встал и задумчиво посмотрел в окно, за которым понемногу сгущались тучи. День обещал быть пасмурным и дождливым.

– Ты скучаешь по папе? – очень тихо спросила мама, спустя минуту.

– Да, – честно ответил Сергей, не оборачиваясь.

Мама встала, подошла и положила руки сыну на плечи, до которых едва доставала высокому Макарову.

– Наш папа сейчас где-то на небесах, – произнесла она, – господь всегда забирает лучших, Сережа, ты же знаешь. Одному ему известно, почему происходит так, но, значит, так должно быть...

– Да, – Сергей вновь ограничился кратким ответом, – наверное...

– Мы справимся, – сказала мама, глядя сыну в глаза, – вместе мы справимся, сынок. Не переживай.

– Конечно справимся, мам, – Макаров поцеловал мать в макушку и пересек кухню, – ладно, мам, мне надо соби-

раться. А то и вправду опоздаю, – он улыбнулся, обернувшись в дверях.

– Ни пуха, Сереж! – сказала мама.

– К черту! – отозвался Макаров и исчез в комнате.

Мать Сергея вновь вернулась за стол и, вздохнув и опершись подбородком на руку, стала смотреть в окно. Движения пока давались ей тяжело. Хотя врач сказал, что она идет на поправку. Не было бы рецидива...

– Все еще загоняешься? – спросил Костомаров, в упор глядя на своего друга с водительского места.

– Не знаю, – Петровский откинулся на спинку сиденья и посмотрел в окно, за которым начинал накрапывать мелкий осенний дождь, – не знаю, нормально ли я реагирую. По идее, после всего человеку должно быть плохо, ярость там, обида, истерика... но ничего этого нет. Я сейчас вообще ничего не чувствую. Пустота, понимаешь? – он повернулся и посмотрел в глаза Костомарову, – Ванек, это в порядке вещей?

– Скорее всего, да, – задумчиво проговорил Иван, – защитная реакция. Или что-то в этом роде. Я, конечно, не психолог, но в твоей ситуации это, по-моему, нормально. Когда вообще ни хрена не чувствуешь. Это пройдет...

– Пройдет, – повторил Петровский, – а дальше-то что?

Если сейчас пустота, на ее место ведь придет что-то другое. И что, будет больно? Плохо? – он вновь поднял глаза на друга.

– Я не знаю, – честно ответил Иван, – у всех это проходит по-разному. Может, будет плохо. А может и не будет. Просто приспособишься к новой жизни. Мой тебе совет, Костян: случилось и случилось. Живи дальше. Ситуация необычная и очень хреновая, я понимаю, но все равно.

– Да я как-то в петлю лезть и не собирался, – задумчиво проговорил Петровский, – если эта с...а жизнь хочет попробовать меня поломать... посмотрим, кто кого. Я ей сам глотку перегрызу. И сломаю, – он посмотрел в пространство с плохо скрываемой злобой.

Костомаров ничего не ответил. На несколько секунд повисла тишина. Было слышно, как по стеклам автомобиля стучат капли усилившегося дождя.

– Что будешь делать? – спросил Иван, поняв, что молчание затягивается.

– По обстоятельствам, – негромко ответил Петровский, – пойду туда, посмотрю, что и как. И попробую найти место в своей новой жизни. Если получится, – добавил он после секундной паузы.

– Тоже вариант, – Костомаров кивнул, – ну, ты точно нормально? Одного тебя оставить можно? – он взволнованно посмотрел на своего друга.

– Ваня, я уже взрослый мальчик, – Петровский цинично

и как-то совсем невесело усмехнулся, – как-нибудь справлюсь. В универ ведь иду, а не на войну...

Костомаров рассмеялся. Петровский взял небольшую сумку, в которую с утра наспех сунул пару тетрадок, и взялся за ручку двери. Уже перед тем, как выйти из машины, он развернулся и в упор посмотрел на Ивана.

– Слушай, а ты, случаем, не знаешь, к чему снятся пауки?

– Чего? – Костомаров вытаращил глаза, – какие еще пауки?

– Большие, – задумчиво проговорил Петровский, – большие пауки в банке. Суеются, бросаются друг на друга, грызутся...

– Понятия не имею, – ответил Костомаров, – я вообще не по этой чуши про сны...

– Ну ладно, – Петровский хлопнул Ивана по плечу, – забей, короче. Спасибо, что подбросил, – с этими словами он резко открыл дверь и вышел из машины. Костомаров проводил удалявшегося друга задумчивым и взволнованным взглядом.

– Совсем загнался пацан, – грустно вздохнул он, когда Петровский затерялся в толпе других студентов и скрылся из виду, – не позавидуешь. Привыкнет...

Иван повернул ключи в замке зажигания и резко тронулся с места, подняв брызги воды с асфальта.

Дождь опять усилился. Петровский остановился возле нужного ему корпуса юридического факультета НГПУ. Обычный политехнический ВУЗ, коих много по всей стране. Студенческий городок из множества корпусов, пара одинаковых общежитий, до отказа забитые столовые с дешевой едой...

Петровский вдохнул в легкие дым, который из-за дождя казался еще гуще. Навеса в курилке не было, поэтому вода обильно попадала на волосы и одежду. Но ему было все равно. Он был погружен в свои мысли. Что ж, может, Костомаров и прав. Все проходит. Значит, пройдет и это. Необычная ситуация, не каждый в такую попадает. Но он не был слабаком. И резать вены явно не собирался. Да и потом, все самое страшное, наверное, уже позади. А впереди была новая жизнь. Нужно было только понять, какая она. И приспособиться. Нет, не приспособиться. Оседлать ее, сломать самому, так же, как она попыталась сломать его. Взять за горло и свернуть шею к чертовой матери...

– Сигаретки не найдется? – внезапный оклик человека, подошедшего почти вплотную, вырвал Петровского из размышлений.

Он повернулся. Перед ним стоял высокий темноволосый парень в распахнутой поверх футболки кожаной куртке

и солнцезащитных очках, которые он зачем-то носил в такую пасмурную погоду. За характерную одежду и очки Петровский тут же мысленно окрестил незнакомца Байкером. Определить, сколько ему лет и с какого он курса не представлялось возможным, поэтому Петровский просто достал пачку и протянул ему.

– Благодарю, – Байкер взял из пачки сигарету и вынул из кармана куртки зажигалку, – ложка есть, – пояснил он.

– А что, так солнце мешает? – с сарказмом спросил Петровский. По большому счету, ему было наплевать. Вопрос носил скорее дежурный характер.

– Не поверишь, привычка! – Байкер расхохотался и выпустил дым, – носил постоянно, теперь даже в пасмурную погоду глаза режет. Я Дмитрий!

– Константин, – игнорировать протянутую руку было невежливо, поэтому он коротко пожал ее и хотел вновь погрузиться в свои мысли, решив, что разговор с «байкером» Дмитрием, который почему-то боится солнечного света, окончен. Но тот не отставал.

– А ты с юрфака, да? Абитуриент? Первый курс?

– Получается, что так, – ответил Петровский, – а ты?

– И я с юрфака! – радостно сказал Дмитрий, – тоже только поступил. Стало быть, коллеги мы с тобой!

Петровский задумчиво посмотрел на него. Что ж, пока кроме любознательного «байкера» Дмитрия знакомых здесь у него не было. Значит, посылать его сразу преждевременно.

Пускай будет. А там война план покажет...

– Выходит так, – хмыкнул Петровский, мусоля намокшую сигарету в руках.

Мимо них быстрым шагом прошел крепкий парень кавказской наружности, одетый в спортивный костюм. Он рванул на себя дверь корпуса и исчез в здании так же резко, как появился в поле зрения.

– Опасный, – Дмитрий ухмыльнулся, – тоже, кстати, перваш.

– Пересекались? – Петровский сделал жест в сторону двери.

– Нет, впервые вижу, – Дмитрий ухмыльнулся, – но определить-то легко. В глаза бросается...

– Что ты имеешь в виду? – почему-то Петровскому стало интересно.

– Потому что в «спортивках» пришел, – пояснил Дмитрий, – у нас в школах как? В основном, заставляют ходить в форме. Оно, вроде, и правильно, в солидных конторах везде дресс-код. Да только за одиннадцать лет эта форма успеет осточертеть. А тут, в универе, вроде в рамки-то никто не загоняет. Свобода появляется. Вот абитура в крайности и бросается. Говорю тебе, он только поступил...

Петровский хотел заметить, что и он и философ по имени Дмитрий были одеты как раз довольно сдержанно, однако решил просто промолчать. Его собеседник метко запустил сигарету в урну.

– Ну, ты докурил? – поинтересовался он, – давай, пошли в корпус, пока в мочалки тут не превратились.

Петровский не стал возражать. Они вошли в здание. Дмитрий сразу же направился к стенду с расписаниями.

– Я на разбивке тебя не видел, – бросил он, повернувшись к Петровскому, – фамилия твоя как?

– Петровский, – коротко ответил Константин.

– Петровский, Петровский, – проговорил себе под нос Дмитрий, разглядывая списки, – ага, вот! Да ты не поверишь, брат, мы с тобой в одной группе! Вот, двенадцатая, видишь? Вон и я, Фролов! Так что будем бок о бок все пять лет! – радостно сказал он и хлопнул Петровского по плечу.

– Выходит, так, – Петровский хмыкнул и вновь выдал свой дежурный ответ.

– Ну, идем на пару, – Фролов развел руками, – нам в двадцать седьмую. Первое сентября, первый курс и, мать твою, сразу занятия. Все, блин, не как у людей! – он щелкнул пальцами.

Петровский вновь не стал ни возражать, ни соглашаться, а просто направился к лестнице на второй этаж вместе со своим новым одноклассником.

– Ну чего, пацаны, перваши там, в двадцать седьмой собираются?

– Ага. Они самые.

– И как? Есть интересные кадры?

– Ну да, телочки ничего себе такие, зачетные водятся!

– А пацаны как?

– А ты, Санек, давно по пацанам прикалываться начал? –

послышался хохот.

– Иди в ж...у, Артур! Я так спросил, а у тебя все мысли через задницу!

– Да не пыли, пацаны, как пацаны, первашей никогда не видел? Хотя есть пара экземпляров тех еще...

– Ага, вон двое минуту назад прошли! – к разговору подключился третий участник, – один хрен лохматый в очках, модник, твою мать! Второй пялится на всех, как будто умный тут самый. Да и вон то дитя гор, которое на первом этаже терлось, тоже явно борзое...

– Да забей ты, моментом осадим! А будут дергаться, п...й таких вставим, всю спесь мигом забудут!

– Завязывали бы вы с этим ребята, к первокурсникам цепляться... в прошлый раз вам мало было?

– Тьфу ты, Соболь, что ты так подкрадываешься постоянно! Идиотом сделаешь! Чего хотел?

– Да я-то ничего не хотел. А вам бы рекомендовал не приставать уже к первашам, нужны они вам сто лет... опять ведь проблемы из-за этого будут.

– Не будут, Соболь. У нас со Станиславычем на мази. А от этих проблем тем более не будет. Быстренько шлепков

на место поставим, если что...

– Я ни на чем не настаиваю. Это всего лишь товарищеская рекомендация.

Тот, кого называли Сободем, развернулся и удалился так же ненавязчиво, как и появился рядом с компанией третьекурсников.

Петровский с Фроловым зашли в просторную лекционную аудиторию, в которой уже находилось достаточно много студентов. Худощавый парень среднего роста, сидевший за первым столом, поднял глаза и в упор уставился на них.

– Здорово! – выпалил он нарочито резким тоном и вытянул вперед руку.

– Хай, – Фролов коротко пожал ее и прошел мимо, даже не заостря внимания на данном субъекте, за что Петровский тут же мысленно поощрил его.

– Меня Серый зовут! – заявил наглый паренек.

– Константин, – Петровский прошел мимо, даже не протянув тому руки. Серый проводил их взглядом и, фыркнув, стал нагло разглядывать стайку девушек, собравшихся неподалеку.

Петровский занял нейтральное место в середине аудитории, не самое близкое к преподавателю, но и не на «галерке», чтобы сразу не производить впечатление разгильдяя. Фро-

лов незамедлительно устроился рядом.

– Не самая правильная тактика, – заявил он, кивнув на Серого.

– Не самая, – согласился Петровский, – парень был явно не первой скрипкой в школе. Если не сказать, что его ту-по чморили, причем до самого выпускного. Здесь его никто не знает, вот и хочет начать жизнь с чистого листа, показаться крутым, лишь бы не дошло до драки. Но делает это слишком коряво и неумело. Боюсь, старшекурсники быстро вернут ему прежний статус...

– Неплохо, – оценил Фролов, бросив короткий взгляд в сторону Серого, – но этого придурка любой считает. Слабо кого посложнее?

– Ты о чем? – не понял Петровский.

– Ну, ты мне тут типа пытаешься показать, как круто разбираешься в людях, – с ухмылкой пояснил Фролов, – но чтобы понять все об этом типе, не надо быть крутым психологом. А кого посложнее прочитать слабо? – Дмитрий улыбался во весь рот.

– Я что, похож на клоуна, показухой заниматься? – Петровский поднял глаза от тетради, которую между делом уже начал подписывать, – ты спросил, я ответил, что о нем думаю. Вот и все. Ты не по адресу...

– Но все же! – раззадоривал Фролов, – ну так, ради прикола! Ну, давай попробуем, круто же!

Петровский не находил в этом соревновании комнатных

психологов ничего крутого, но отчетливо понял, что Фролов не отстанет. Он вздохнул и поднял взгляд на аудиторию.

– Мертвого достанешь! Ладно, о ком хотел бы услышать? – Петровский осторожно показал на стайку симпатичных девушек, на которых некоторое время назад бесцеремонно глазел Серый, – вон те красотки – будущий женсовет группы. Будут держать, так сказать, высшее сословие среди наших девчонок. Набор, в основном, по внешности, ну и пара прилипал по интересам и для самоутверждения вроде вон той пухлой, – он вновь едва заметно кивнул на одну из девушек, – половина – явно из села «Верхние Решеты», но ставить себя будут повыше остальных. В этот женсовет войдут не все...

– Не все, – Фролов скорее просто повторил, чем спросил.

– Да, многовато их, – пояснил Петровский, приняв это за вопрос, – в таком близком контакте вырисовывается слишком крутой серпентарий. Кое-кто отсеется, скорее всего, самые адекватные, будет банально неинтересно. Вон она, например, – он кивнул на темноволосую девушку, которая стояла с самого края и задумчиво накручивала волосы на палец. Поймав взгляд Фролова, она на секунду подняла глаза, но сразу же смущенно отвернулась.

– Так открыто не глазей, не в зоопарке! – одернул Петровский, – вот тебе и факты! Вроде и слушает этот галдеж, а срисовала тебя почти сразу, как ты на нее уставился. Ей неинтересно. Она отсеется, – Петровский закончил подписывать

тетрадь и отложил ее в сторону, – возможно, впоследствии найдет себе друзей и подруг среди нынешнего планктона.

– Планктона? – переспросил Фролов.

– Точно, – кивнул Петровский, – знаешь, что такое планктон? Организмы, которые находятся в воде во взвешенном состоянии. Куда понесет течением, туда они и плывут. В нашем случае это не самые уверенные в себе мальчики и не самые сексуальные девочки, которые в виду скованности и заурядной внешности будут пока плыть по течению. Это не значит, что все они конченые, кого-то еще прибьет к нужному берегу, кто-то найдет себя. А кого-то, увы, просто сожрут. Вот и говорю: планктон, – он в упор посмотрел на Фролова.

– Понятно, – хмыкнул тот, – допустим. Ну, а тебя-то кто обидел?

– Не понял! – резко сказал Петровский, мгновенно напрягаясь.

– Да все ты понял! – вкрадчиво проговорил Фролов, выдерживая взгляд, – сидишь тут, лепишь ярлыки, рассуждаешь о людях, как о животных...

– А что, большая разница? – Петровский прищурился, – хотя нет, ты прав, есть разница! Животное не в пример лучше! Оно никогда не станет убивать или трахаться ради спортивного интереса! А человек запросто... да, животные явно лучше, – последние слова он сказал уже тише и глубоко вдохнул, потому что почувствовал, что начинает заводиться.

Фролов, сам того не зная, задел за живое.

– Вот то-то и оно! – хмыкнул Фролов, – сам же светишься, потому и спрашиваю: что у тебя случилось в жизни, что ты про людей вот так?

– Не твое дело, – снова резко ответил Петровский.

– Как знаешь, – Фролов развел руками. Было видно, что он обиделся. Ну, и хрен с ним. Не нравится, пусть валит, куда хочет, никто его не держит.

– А про того типа что скажешь? – неожиданно спросил Дмитрий, указав на студента, одиноко сидевшего у окна в дальнем конце аудитории. Петровский проследил направление и увидел среднего роста и телосложения паренька восточной внешности, который сидел один и задумчиво смотрел в пространство. За все время он так ни с кем не заговорил и не попытался познакомиться. Создавалось впечатление, что ему было все равно, что Петровский и озвучил.

– Ему по фигу, – сказал он, – в смысле, по фигу вообще на все. Не контактирует, не пытается как-то себя поставить. Но что-то мне подсказывает, что кататься здесь на нем никто не будет. Почему он такой – не спрашивай, причин может быть миллион. Я бы лично не стал к нему цепляться. Даже на месте старших...

Фролов окинул парня задумчивым взглядом, на что последний даже не обратил никакого внимания. А может, и обратил, просто не подал виду. Потому что ему было все равно...

Зазвенел звонок, и уже через несколько секунд дверь аудитории распахнулась.

– Препод! – констатировал Фролов, – пунктуальный. Ну, с почином!

Три пары прошли без каких-либо сюрпризов. В основном, преподаватели знакомились со студентами, да рассказывали им причуды кредитно-модульной системы и то, как это будет выглядеть на конкретном предмете.

На одном из перерывов Петровский с Фроловым все же подошли к нелюдимому парню под предлогом спросить сигарету, на что тот вежливо ответил, что не курит. Выяснить удалось то, что парень был казахом и звали его Асхат. Асхат был вежлив и немногословен. На вопросы он отвечал культурно, но коротко, без намека на желание продолжать разговор, так что много информации вытянуть из него не удалось.

– Ну, что, может по пиву за знакомство? – предложил Фролов, когда они вышли на улицу, – я тут кафешку поблизости видел, вроде ничего так, и цены не кусаются...

– Да можно, только я теперь не особо богат, – ответил Петровский.

– Ну, и я с дочкой миллионера не сплю! – усмехнулся Фролов, – раскидаем как-нибудь. Асхат, эй, Асхат! – он окликнул Асхата, появившегося из дверей. Тот остановил-

ся и повернулся к ребятам, – Асхат, гоу по пивку! – сказал Фролов, – за первый день, так сказать...

– Не, пацаны, я домой, – вежливо, но очень твердо ответил Асхат.

– Да ладно ты, брось! – отмахнулся Фролов, – чего дома тухнуть, насидишься еще! Айда по пиву лучше!

– Не, пацаны, я домой, – повторил Асхат, не опуская глаз.

– Оставь его, – одернул Петровский. Асхат развернулся и неторопливо зашагал в другую сторону.

– Мутный он какой-то, – констатировал Фролов, провожая взглядом.

– Нормальный он, – отрезал Петровский, – может, в жизни что случилось. Может, еще какие причины есть. Не надо трамбовать пацана, его дело, как и с кем общаться.

– А, неважно! – Фролов вновь отмахнулся, – ну что, друг-студент, пошли, выпьем что ли!

Как это зачастую случается, «давай по пиву» практически моментально трансформировалось в «а ну его, давай водки!». Петровский с Фроловым сидели на диванах в располагавшемся неподалеку от НГПУ кафе и поглощали национальный напиток, заедая его салатами.

– За знакомство! – Фролов поднял рюмку, – ты, вроде, пацан нормальный, водку с тобой можно пить...

– С тобой, вроде, тоже, – Петровский поднял рюмку и «чокнулся» с новоиспеченным приятелем. Они выпили.

– Я сейчас понял, что мы вообще друг о друге ничего не знаем, – начал Фролов, – весь день общаемся, а все равно. Расскажи хоть о себе что ли...

– Всегда ставили в тупик абстрактные вопросы, – хмыкнул Петровский, разливая водку по рюмкам, – никогда не знаешь, как на них отвечать. Ты конкретизируй, а я уж попробую ответить, если не спросишь ничего интимного...

– Ну, мы первый день знакомы, так что спрашивать тебя, сколько раз ты курил травку и над какими фильмами тайком реवेशь в подушку, я не буду! – Фролов рассмеялся, – что вообще планируешь?

– Планирую съесть салат, он вкусный, – ухмыльнулся Петровский.

– Ты понял, о чем я спросил, шутник, – заявил Фролов, – я имею в виду: после учебы, когда закончишь. Не просто же так ты на юрфак поперся. Значит, есть какие заморочки. Ты вроде с башкой...

– Вообще, получается, что просто так, – задумчиво ответил Петровский, – не знаю, что потом. Может, в ментовку пойду, может еще куда. Время покажет, я только поступил.

– Ну, наметки-то какие-то есть? – не унимался Фролов, – завязки там и все такое...

– Никаких, – спокойно ответил Петровский.

– Никаких? Так уж и совсем никаких? – Фролов прищу-

рился, – а кто твои родители?

– Никто.

– Как это никто? Ты сирота что ли? Извини, что спросил.

– Нет, не сирота, – быстро сказал Петровский, – проехали.

Они снова выпили.

– Но тогда так не бывает! – Фролов не унимался, – что значит, никто?

– То и значит! – Петровский повысил голос, – я вроде не на приеме у доктора! Я обязан отчитываться!

– Да нет, не обязан, – было заметно, что Фролов опять обиделся, но Петровскому опять было все равно, – теперь понятно, чего ты такой «веселый» ходишь. В семье что-то произошло. Ладно, проехали, захочешь, сам расскажешь! – он примиряюще поднял руки, поймав взгляд Петровского.

– Это вряд ли, – заявил тот.

– Захочешь, всю жизнь-то в себе держать не сможешь, – заверил его Фролов, – но ладно, забыли, забыли! – он вновь поднял рюмку, призывая выпить. Петровский не возражал.

– А связи, брат, без них никак! – Дмитрий решил вменить тему, – честно говоря, вся эта учеба – полное фуфло. И диплом без завязок – подставка под пиво!

– Подставка под пиво? – Петровский усмехнулся.

– Ага, она самая! – кивнул Фролов, – все решают связи, братан! Без них образование псу под хвост, потерянные пять лет жизни. И диплом этот, тьфу, бумажка, подтереться! – было заметно, что он пьянеет.

- А у тебя, значит, родные по юридической линии? – уточнил Петровский.
- Вообще-то, по медицинской! – Фролов улыбнулся.
- Так какого лешего на юридическом забыл? – Петровский прищурился, – шел бы в мед тогда.
- Ботанить шесть лет, чтобы потом получать шесть косарей... нет, не прильщает! – хмыкнул Фролов.
- Следуя твоей же логике, – спокойно проговорил Петровский, – связи – двигатель прогресса. А у тебя, как я понял, их нет. Сам себе противоречишь...
- Связи и самому нажать можно! – нашелся Фролов, – главное, чтобы вот здесь что-то было! – он постучал пальцами по своей голове, – сориентироваться можно всегда!
- Может, ты и прав, – Петровский закурил и задумчиво окинул взглядом полупустой зал кафе.
- Ага, – кивнул Фролов, – ладно, ну ее на хрен, эту философию! Давай лучше еще одну «торпеду» возьмем, а то уже заканчивается, – он подбросил в руке почти пустую бутылку, – ты, надеюсь, не торопишься?
- Да вроде некуда особо, – проговорил Петровский.
- Ну и отлично! – Фролов хлопнул в ладоши, – предлагаю накидаться!

Макаров поднялся на свой этаж. На лестничном пролете

издалека был слышен хохот. На подоконнике расположились двое парней с пивными банками в руках. Еще один стоял рядом и курил, отчего пролет заволокло густым дымом дешевых сигарет.

– Парни, я просил, найдите другое место! – сказал он, остановившись.

– Чего? – тот, что курил, обернулся к Макарову, – ты че так разговариваешь?

– Я нормально разговариваю, – ответил Сергей, – пацаны, места полно, пьянствуйте на здоровье, только не здесь, окей? – он обращался скорее к тем, что сидели на подоконнике, тем более их он знал.

– Ты учить будешь? – стоявший хотел раздуть конфликт, но один из парней на подоконнике дернул его за рукав. Местная шпана уже успела на своем примере понять, что спокойный и неконфликтный Макаров занимался отнюдь не шахматами, поэтому связываться лишний раз они не стали.

Сергей спокойно смотрел, как двое парней спрыгнули с подоконника и прошли мимо. Третий, которого он видел впервые, удаляясь, все же намеренно задел Сергея плечом. Связываться тот не стал. Ни к чему лишний раз драться с идиотом в своем же подъезде. Ушли – и прекрасно.

Макаров поднялся еще на пролет и открыл дверь своей квартиры.

– Мам, я вернулся! – крикнул он, снимая обувь. Никто не отозвался, – мам!

Макаров похолодел. Он швырнул сумку, забежал в комнату и включил свет. Мать лежала на диване.

– Привет, Сереж, как прошло? – спросила она слабым голосом.

– Мам, что случилось, тебе плохо? – Сергей сел на край дивана, взволнованно глядя на мать.

– Да нет, все хорошо, устала просто, – мама улыбнулась, – в кастрюльке ужин, если голодный, я сделала рагу, наложишь сам?

– Конечно, наложу! – воскликнул Сергей, – мам, ну зачем ты готовила, сам бы что-нибудь слепил, ну тебе же отдыхать надо! – он строго и одновременно взволнованно посмотрел на мать.

– Что уж я у тебя, совсем ни на что не гожусь? – она рассмеялась.

– Мам, ну что за глупости? – сказал Макаров, – никто такого не говорит. Просто я не ребенок грудной, я в состоянии приготовить себе ужин, ну зачем было себя утруждать?

– Должна же я хоть чем-то радовать сына! – она подняла руку и погладила Сергея по голове, – а то совсем чувствую себя ненужной...

– Ты нужна мне, – твердо сказал Сергей, – очень нужна. Но я могу позаботиться о себе, мам. И о тебе могу, – добавил он после небольшой паузы.

– Совсем взрослый, – улыбнулась мать, – ты похож на отца...

Сергей сглотнул. Воспоминания о папе до сих пор могли причинить боль.

– Как первый день в университете? – спросила мама, меняя тему.

– Хорошо, – ответил Макаров, – группа, вроде, адекватная, ребята неплохие. Преподаватели тоже ничего. В основном, объясняли кредитно-модульную систему. Первый день, формальности, все такое...

– Кредитно-модульную? – переспросила мама.

– Баллы вместо обычных оценок, – пояснил Сергей, – надо набирать в течение семестра. От нуля до ста.

– Странные у них новшества, – задумчиво сказала мама, – учились нормально, все понятно было...

– Западная реформа, – Макаров улыбнулся, – сам не в восторге. Ничего не поделаешь, придется привыкать. Ладно, мам, я и вправду, наверное, поем, – он встал с дивана.

– Да, Сереж, покушай, – кивнула мама.

– Тебе свет выключить? – уточнил Макаров.

– Да нет, оставь, пусть будет, – махнула рукой мама.

Сергей вышел из комнаты и проследовал на кухню. В кастрюле ждало вкусное рагу, которое мама стопроцентно готовила полдня. Сергей наложил еду в тарелку и сел за стол. За окном уже было совсем темно.

– Напридумывают же всякой фигни, верхняя неделя, нижняя неделя, хрен разберешься! – заявил Фролов, запустив сигарету в урну.

Это было неделю спустя. Они уже более-менее адаптировались к учебному процессу. Да и ко всему остальному тоже. Компании сформировались, про кого-то все уже было понятно, кто-то еще оставался закрытой книгой, но новая жизнь, кажется, вошла в свое русло и даже начинала понемногу налаживаться.

– Предметов много, – пояснил Петровский, – все разные, на одну неделю не засунешь, вот и придумали этот замут с верхней и нижней неделями.

– Они придумали, а нам страдай! – сказал Фролов, – и так всю дорогу. Ты римское писал?

– А сам как думаешь? – Петровский ухмыльнулся.

– Кого я спрашиваю, – вздохнул Фролов, – встрянем же в конце семестра, препод, по ходу, с заморочками. Асхат, ты по римскому писал что-нибудь?

– Так, чуть-чуть, – коротко ответил Асхат. Он не курил, но из солидарности стоял вместе с другими студентами.

– Дашь скатать, а? – Фролов с надеждой посмотрел на одноклассника.

– Не вопрос, если успеешь, – согласился Асхат.

– Ага, кстати, тебя касается, вторую уже куришь! – обратился Фролов к Петровскому, – давай резче, паровоз, не успеем ни хрена!

– Успеем, – усмехнулся Петровский, бросив взгляд на часы, – все рассчитано...

– Рассчитано у него, – передразнил Фролов, – шевелись, давай!

– Пацаны, первый курс? – резкий оклик послышался с другой стороны.

Петровский повернулся. К ним быстро приближались пятеро. По ухваткам нетрудно было вычислить студентов старших курсов. Четвертый-пятый, вряд ли, эти к молодежи просто так цепляться не станут. Скорее, второй-третий. А намерения бравых ребят были ясны с одного взгляда. Похоже, решили навести свою дисциплину, попутно указав «наглым первашам» их место в местной иерархии. Вся компания приблизилась и встала полукругом, разглядывая первокурсников.

– Ну, первый, – ответил за всех Петровский.

– Ну, круто! – в тон ему ответил тот же, что окликнул всех. Видимо, местный «мозговой центр», – пакеты с мусором у входа видели?

– Это те, которые вы там швырнули? – уточнил Петровский, спокойно глядя на них.

– Соображаешь, – кивнул тот же старшекурсник, – так вот, их надо собрать и оттащить к бакам. Сейчас машина подь-

едет забирать, так что давайте, шевелитесь. Потом докури-те! – видимо, он ожидал, что первокурсники моментально бросятся выполнять указание.

– И чье же это распоряжение? – осведомился Петровский, демонстративно затягиваясь.

– Деканата, умник! – бросил другой член теплой компании, среднего роста и очень крепкий. У всех студентов во все времена была и оставалась манера говорить о деканате своего факультета, как об одушевленном существе.

– Деканата, – вкрадчиво повторил Петровский, – то есть, ты хочешь сказать, то деканат велел тебе взять мусорные пакеты, швырнуть их у входа и заставить каких-нибудь первашей тащить их до свалки? Сдается мне, не так все было. Я думаю, деканат сказал вам, парни, оттащить эти мешки, а вы решили припахать первый курс, потому что вам тупо в лом. Ну и по статусу, типа, не положено, – он насмешливо посмотрел на эту компанию. Он прекрасно понимал, что за этим последует. Было страшно. Но в такой ситуации страх нужно было посылать подальше. Главное начать, а дальше пойдет само. Позволять «припахивать» себя было нельзя, иначе сядут на шею. Петровский прекрасно это понимал.

– Самый умный? – зло осведомился тот, который обратился к ним первым.

– Да нет, просто не люблю, когда на мне пытаются кататься, и держат за лоха, – спокойно ответил Петровский, – ты ведь уже понял, что твоей «дедовский» наезд не прокатил,

да? – он презрительно усмехнулся. К этому моменту рядом с ним в курилке остались только Фролов и Асхат. Все остальные поспешили отодвинуться в дальний угол, делая вид, что ничего не происходит, стараясь оказаться в стороне от опасного конфликта. Петровский злорадно отметил, что Серый, который всю неделю продолжал строить из себя крутого парня, отвернулся в другую сторону. Не укрылось это и от старшекурсников.

– А мы что там, стоим, стесняемся, только что же глазели! – рявкнул еще один из членов компании, – ну ты, в красной майке, ты же понял, что к тебе обращаюсь!

– Оставь, его, не видишь, он собственной тени боится! – Петровский вновь резко одернул старшекурсника.

– Ты учить меня будешь?!

– Ничего я не боюсь! – подал голос Серый.

– Закрой рот! – выкрикнул Петровский, влобопота повернувшись к нему, – ты уже все показал, стой и не дергайся! Со мной разговаривайте! – он вновь обращался к старшекурсникам.

– С тобой разговаривать? – ухмыльнулся тот, что окликнул их первым, – а ты типа крутой, да?

– Я не крутой, – спокойно ответил Петровский, – но и нагнуть меня не получится.

– А ты уверен? – из толпы выдвинулся еще один. Внешне он казался меньше остальных, но Петровский сразу же понял, этот – самый опасный из всех. Под олимпийкой у пар-

ня была сталь. Небольшие, но рабочие мышцы. Работавшие на уничтожение.

«Если что начнется, от этого надо избавляться в первую очередь, – пронеслось у Петровского в голове, – иначе хана».

– Абсолютно, – сказал он, выдерживая хмурый взгляд.

Тем временем еще один заинтересовался Фроловым. Точнее, его очками, сдвинутыми на лоб.

– Очки модные, я смотрю, что, солнце мешает? – осведомился он и бесцеремонно сдернул их с головы Дмитрия, – ну как, идет мне? – он надел очки и начал паясничать перед товарищами.

– Очки верни, не борзей! – сказал Фролов сквозь зубы.

– Чего ты дергаешься, не с...ы, не украду! – пробасил тот.

– Я бы за такое уже втащил, – заявил Петровский, вновь вызывая огонь на себя, – тебе повезло, что парень добрый. Очки, верни, сказано, баран, ты слышишь плохо?!

– Чего?! – все подошедшие в один голос злобно зашипели, – что ты вякнул?! Слышь, да этот г...н все на свете перепутал! Ты че б...ь?!

– Ты что-то слишком дерзкий для первого курса, – тот, в котором Петровский заметил наиболее опасного, сделал шаг вперед, – может, тебе объяснить, где твое место, чмо б...я?! – с этими словами он схватил Петровского за воротник рубашки.

Это был Рубикон. И они только что его перешли. Если до этой минуты все еще можно было решить словесной пе-

репалкой с взаимными угрозами и оскорблениями, то теперь уже нет. Если они пустили в ход руки, значит, драка уже началась. Это Петровский усвоил давно. Пути назад не было...

«Только не тупите, парни», – успел подумать он.

Резким движением он стряхнул руки противника с воротника и, не дожидаясь продолжения, ударил головой в нос. А затем, без паузы, добавил боковым в челюсть. Противник полетел в сторону, забрызгав кровью забор курилки, асфальт и стоявших рядом студентов.

– С...а! – выкрикнул «бык» с другой стороны и крюком ударил в лицо. Петровский закрылся, но сделал это поздно и неправильно, поэтому удар прошел, а противник тут же зарядил ногой в живот, от чего Петровский согнулся и полетел назад, а враг бросился в атаку, тесня ударами в корпус и голову, надеясь добить.

Краем глаза Петровский заметил, как Асхат с криком бросился на еще одного. Оба полетели в сторону и рухнули на асфальт, осыпая друг друга ударами. На Фролова накинлись двое, как самого крупного, его решили давить числом. Дмитрий сориентировался поздно, поэтому успел лишь единожды ударить наотмашь, но меткий встречный удар тут же разбил ему нос, и оба противника принялись теснить, надеясь зажать в углу. Фролову ничего не оставалось, как отходить и пытаться обороняться.

Бык, теснивший Петровского, продолжал осыпать ударами, прижимая к земле. Петровский понял, что еще несколь-

ко секунд, и драка будет закончена не в его пользу и применил простой и действенный метод – удар открытой ладошкой в пах. Этот, казалось бы, легкий шлепок, на деле оказывался крайне болезненным. Бык взвыл и на секунду инстинктивно опустил руки. Этого хватило Петровскому, чтобы разогнуться в полный рост и тут же провести мощную двойку. Его противник пошатнулся и принялся оседать на асфальт. На этом можно было остановиться, но ярость уже кипела и хлестала через край. Шипя и матерясь, Петровский бросился на врага и стал осыпать ударами, пока жертва не легла на асфальт, истекая кровью, съезжившись в позе эмбриона...

Петровский резко обернулся. Из головы Фролова шла кровь. Оба противника зажали его в углу и остервенело пинали ногами. Асхат, уже расправившийся со своим оппонентом, вскочил на ноги и с криком бросился на второго, повалив на асфальт. Оба принялись осыпать друг друга ударами, от злости и ненависти уже не обращая внимания, куда бьют...

Петровский развернулся ко второму, но в ту же секунду получил болезненный удар ногой в спину и едва успел увернуться от второго – метили в голову. Ботинок вскользь задел лицо, проехавшись по правому глазу, из которого посыпались искры. Развернувшись, он увидел того самого парня, которого, как ему казалось, он «вырубил» первым.

– Крепкий, с...а! – выдохнул Петровский.

– А то! – прошипел тот, сплюнув кровью на землю, – п...

ц тебе!

Они снова бросились друг на друга.

– Прекратить!!! Прекратить быстро, мать вашу!!! – это вопль был преисполнен гнева и ярости.

К месту побоища со всех ног бежал декан юридического факультета Алексей Станиславович в сопровождении пары охранников. Он был весь пунцовый от гнева.

– Всем разойтись! – кричал он, – вы что творите?! Что вы, идиоты, вытворяете?!

Драка почти мгновенно остановилась. Двое охранников растащили в стороны сцепившихся старшекурсника и Асхата и теперь крепко держали обоих еще не оправившихся драчунов.

– Руки зачесались?! – продолжал неистовствовать декан, – вы что, совсем ох... ли?! – Петровский невольно усмехнулся, услышав от доктора юридических наук мат в адрес студентов.

Все участники драки начинали понемногу приходиться в себя и подниматься на ноги.

– А вы что смотрите?! – Алексей Станиславович повернулся к остальным студентам, испуганно жавшимся в дальнем конце курилки, – что, разнять е могли?! Гладиаторы хреновы, привести себя в порядок и все в деканат! Все до единого!

– Алексей Станиславович, тут совсем «плохие» есть, – мрачно обратился к нему один из охранников.

– Этих отвести в здравпункт! – распорядился декан, – остальным привести себя в порядок и через десять минут все у меня! Все! Остальные на занятия! Бегом на занятия, я сказал! – завопил он не своим голосом.

Петровский развернулся и медленно двинулся в сторону корпуса вместе с Асхатом. Фролов стряхнул с себя руку одного из охранников и, вытирая с лица кровь, поспешил за ними.

– Все на занятия! – гневно повторил Алексей Станиславович, – разошлись, я сказал, здесь не на что смотреть!

– Это неслыханно! – говорил декан спустя пятнадцать минут. Петровский, Фролов и Асхат уже привели себя в порядок и сидели в его кабинете. На выходе из деканата они пересеклись с «другой стороной» конфликта. Обменявшись злобными взглядами, парни разошлись в дверях. Петровский злорадно отметил, что пришли всего трое. «Значит, двоих уродов уработали по полной», – подумал он.

– Но мы... – начал Фролов.

– Молчать! – рявкнул Алексей Станиславович, – я тринадцать лет работаю в ВУЗе! Вот уже пятый год, как я – декан юридического факультета! И на моей памяти такое впервые! Вы в университете без году неделю, да что там, реально, неделю, и на тебе! Вульгарная драка со старшим курсом, по-

боище, вы чем вообще думаете?! – говоря, он нервно ходил по кабинету из стороны в сторону.

– Они первые начали, – мрачно произнес Петровский.

– Не надо мне рассказывать! – декан яростно склонился над ним, – вы что, в детском саду? Мы начали, они начали! По моим сведениям, Петровский, вы первый ударили студента Коновалова, спровоцировав массовую драку! Скажете, было не так?! Не так?!

– То есть, вы считаете, – начал Петровский, постепенно заводясь, – что я просто так, без какой-либо веской причины, ударил студента третьего курса? Они ведь с третьего курса, верно? – он посмотрел декану в глаза.

– Они-то с третьего, – выдохнул Алексей Станиславович, – а вы, молодые люди, боюсь, закончите свое обучение в нашем ВУЗе уже на первом...

– Что?! – Фролов опешил, – вы... вы нас отчисляете?

– Нет, поощряю! – гаркнул декан, – а вы что думали, а? Что я буду спускать такое? Это, господа студенты, вообще ни в какие рамки не уместается! Это уголовщина, вы, учась на юридическом, это понимаете?! И вы считаете, что я должен спустить вам это с рук? Думаю, говорить здесь не о чем.

– Ясно, – пробормотал Фролов, – они останутся, потому что они давно на факультете. А нас вышвырнут, потому что мы здесь никто. Но это несправедливо...

– Ты еще про справедливость мне расскажешь? – прищурился Алексей Станиславович, – думать надо было до то-

го, как машете руками, а не после! Я думаю, говорить с вами не о чем! Можете быть свободны, с завтрашнего дня вы не являетесь студентами НГПУ.

Петровский похолодел. Жизнь только-только начинала входить в нормальное русло. И вот, после первой недели, отчисление из университета. Нет, это не должно было случиться. Нужно было срочно что-то предпринять. Прямо здесь и сейчас. Но только что? Точно! Деньги! Нужно было предложить денег. Сколько попросит, столько и дать. Найти было можно, это дело третье, главное сейчас договориться.

– Алексей Станиславович... – начал Петровский, но его оборвал внезапный, но деликатный стук в дверь.

– Я занят! – рявкнул декан, чуть повернувшись в ту сторону.

Вопреки гневному запрету, дверь плавно открылась, и на пороге возник молодой парень в сером костюме.

– Алексей Станиславович, разрешите! – начал он слегка заискивающим тоном. Вошедший как-то странно улыбался уголками рта и, казалось, излучал радушие и вежливость, однако было в нем что-то скользкое, очень скользкое, может, даже, опасное. Или это были лишь домыслы ребят из-за стресса...

«Лаборант, наверное, – подумал Петровский, – или аспирант. Вот декан ему сейчас устроит. Сказано же было, не лезь, глухой что ли или дурак».

Однако реакция декана поразила Петровского до глубины

души. Алексей Станиславович сначала покраснел, затем вытаращил глаза и рухнул на свой стул.

– Чего тебе, Соболев? – осведомился он, глядя на вошедшего со смесью гнева и какой-то странной обреченности.

– Алексей Станиславович, я тут случайно услышал ваш разговор, – начал он. Только сейчас Петровский разглядел действительно хитрые нотки в его голосе. Нет, не показалось. Вошедший был явно совсем непрост. И Карнаухов его хорошо знал. Не любил, это было заметно, но очень давно и близко знал. И, что самое удивительное, похоже, считался с ним.

– Соболев, ты и «случайно» – понятия несовместимые! – перебил декан, – выкладывай, зачем пришел!

– Я думаю, нам лучше поговорить наедине, – предложил Соболев, – ребята, подождите, пожалуйста, за дверью! – Петровский понял, что обращались уже к ним. Спорить они не стали и, хоть декан, формально являвшийся здесь главным, им не разрешал, почему-то синхронно встали и направились к выходу. К всеобщему удивлению, Алексей Станиславович даже не попытался возразить.

– И не подслушивайте! – Соболев хитро подмигнул.

Вся троица не вышла, а буквально выпала из деканата.

– Нет, ну ты видел, видел?! – заговорил Фролов, тыча кулаком Петровскому в плечо.

– Дыру во мне пробьешь! – Петровский отстранился, – видел, не слепой.

– Это что за птица?! – недоумевал Фролов, – видел, как декан на него смотрел? Он его явно терпеть не может, но считается ведь! И... и, по ходу, побаивается! – он словно озвучивал мысли Петровского.

– Заметил, – Петровский согласно кивнул.

– Пацаны! – Асхат одернул обоих и молча указал глазами на дверь. Они отошли подальше, чтобы их разговор не услышали.

– По ходу, о нас говорить будут! – прошептал Фролов.

– Да ты что, тоже догадался? – с иронией спросил Петровский.

– А тебе, я смотрю, очень весело?! – разозлился Дмитрий, – а если он вообще мент какой-нибудь? Если нас вообще закроют к е...м?!

– Чушь не пори! – одернул Петровский, – и панику не сей. Нет, на мента он точно не похож. Да и потом, никто бы не стал вносить сор из избы и портить репутацию факультета, вмешивая во всю эту канитель ментов. Здесь что-то другое...

– Делать-то что? – осведомился Фролов.

– Да ничего, ждать, – отозвался Петровский, – все, что можно было, уже сделали. И что нельзя было – тоже.

– Это ничего, что я присел? – спросил Соболев, опустив-

шись в кресло напротив декана.

– Соболев, на фоне твоих обычных выходов я как-нибудь потерплю то, что ты уселся в кресло, хотя я тебе не разрешал! – раздраженно ответил Алексей Станиславович, – зачем пришел?

– Я хотел поговорить по поводу тех ребят, ну, с первого курса, – произнес Соболев, поигрывая ручкой из органайзера декана, – Фролов, Петровский и Алебаев, кажется...

– Догадался, – Алексей Станиславович плюхнулся в кресло, – и о чем ты хочешь поговорить, Соболев? Может, мне не отчислять их, а назначить на губернаторскую стипендию?

– На стипендию назначать не надо, – Соболев усмехнулся, – но отчисление, на мой взгляд, это крайность...

– Крайность?! – декан вскочил со своего места, – ты хочешь поговорить со мной о крайностях? Ты в курсе, что они натворили? Тебе показать нашу курилку?! Она сейчас больше похожа на съемочную площадку фильма ужасов, чтоб его! Там всюду кровь! Всюду! Эти твои ребята, которых ты непонятно почему защищаешь, отморозки! Ты это осознаешь?! А если это выплывет? Об этом ты думал?! Думал или нет, я спрашиваю!

– Признаю, Алексей Станиславович, ребята переборщили, – задумчиво проговорил Соболев, – но, несмотря на общую жестокость их действий, мы оба понимаем, что они защищались...

– Хороша защита! – выкрикнул декан, – в таком слу-

чае фашистская Германия в тридцать девятом защищалась от всего мира! Их там тоже, видишь ли, ущемляли!

– Ну, я бы не стал приравнивать наших студентов к фашистам, – сказал Соболев.

– Я образно! – Алексей Станиславович раздраженно отмахнулся, – ты прекрасно понял, о чем я, Соболев! Ты знаешь, что двое студентов с третьего курса в больнице? И это сделали твои, мать их, подопечные! Что ты мне предлагаешь? Сегодня я оставлю их в ВУЗе, а завтра они пойдут и отметелят какого-нибудь преподавателя? Или вообще убьют кого-нибудь? Ничего смешного! – ухмылка Соболева не укрылась от его взгляда.

– Этого не произойдет.

– А ты так уверен? – декан прищурился, – слушай, с чего ты их вообще защищаешь?

– Алексей Станиславович, это далеко не первый прецедент, и мы оба это прекрасно знаем, – пояснил Соболев, – всем давно известно, что ребята с нынешнего третьего курса периодически грешили штучками в стиле армейской дедовщины. Из-за этого уже были проблемы, их неоднократно предупреждали. Они не вняли. Рано или поздно что-то подобное должно было произойти. И это произошло. Я понимаю, что они на хорошем счету и как студенты, и как активисты, но их поведение...

– Соболев, тебе напомнить, чем гробишь ты?! – Алексей Станиславович яростно посмотрел на собеседника.

– Я не цепляюсь к новеньким студентам и не развожу де-довщину в университете, где это неуместно, – возразил Со-болев, – ну и потом, кто из нас не без грешка, Алексей Ста-ниславович? – он хитро прищурился.

– Соболев, ты на что намекаешь?! – декан побагровел.

– Я ни на что, упаси боже! – Соболев двусмысленно усмех-нулся, – я лишь рассуждаю о том, что все люди...

– Чего ты хочешь? – перебил Алексей Станиславович, вновь обреченно рухнув в кресло.

– Действия студентов были излишне жестокими и должны быть справедливо наказаны, никто не спорит, – ответил Со-болев, – но отчисление – это перебор. Никто не предлагает спустить это с рук. Накажите их. Справедливо и показательно. Накажите обе стороны конфликта, – Соболев намеренно выделил слово «обе», – но дайте ребятам шанс. Вы ведь по-ступите правильно, я уверен. Вы же умный и справедливый человек! Иначе разве были бы вы на своем месте! – Соболев с хитрым подобострастием посмотрел на декана.

– Хорошо, – выдохнул тот после небольшой паузы, – иди и скажи этим Бальбоа, пусть идут на занятия. Я передам решение о наказании через старосту группы. И только попытайся и от этого их отмазать!

– В мыслях не было, Алексей Станиславович! – откре-стился Соболев.

– Все, отправляй их, глаза бы мои не глядели! Надеюсь, ты доволен? Свободен!

– Большое спасибо за понимание! – Соболев улыбнулся и встал из-за стола.

– И еще, Соболев! – уже у дверей Алексей Станиславович остановил его, – я понятия не имею, какого хрена ты их защищаешь, но предупреждаю тебя об одном: если ты тут попытаешься взрастить второго себя, попру из ВУЗа и твое протеже и тебя вместе с ним! Не посмотрю ни на то, что ты выпускник, ни на... – декан осекся, поняв, что сейчас скажет лишнего, – ни на что не посмотрю, в общем! Все, свободен!

– Отличный ответ на семинарском занятии, вы делаете успехи, Макаров! – отметил преподаватель, – что ж, на этой прекрасной ноте все свободны! Рекомендую подойти к следующему занятию со всей ответственностью!

Преподаватель – крепкий мужчина средних лет в строгом костюме – вышел из аудитории.

– Неслабо начал, Серег, фартовый! – сказал одногруппник Юра, подходя к Макарову.

– Просто ответил на семинаре, что тут такого? – Сергей пожал плечами и забросил за плечо свою сумку.

– Ты как с луны! – хмыкнул Юра, – ты в курсе, кто он?

– Просвети, – улыбнулся Сергей.

– Он не просто препод, а подпол из СК! – Юра понизил голос, – совмещает уголовное право с основной работой! Пре-

подает у нас и в НГА. Если приглянулся ему, сможешь потом нехило устроиться!

– Ты совсем далеко заглядываешь, – сказал Сергей, – мы в универ-то только что поступили...

– Ладно, не говори, что это не круто! – Юра похлопал товарища по плечу, – да ну хрен с ним, ты слышал, слышал?!

– Ты о чем? – не понял Макаров.

– Нет, ты точно не с этой планеты! – расхохотался Юра, – ну как же? – он сделал характерное движение рукой, имитируя удар.

– А, ты о драке, – Макаров кивнул, – да, слышал, что подрались наши одноклассники с третьим, вроде бы, курсом.

– Подрались?! – Юра едва не задохнулся от восторга, – ну, ты даешь! Все только об этом и говорят! Парни из двенадцатой вкатили «старшакам» по самые помидоры! Разгромили их, как фрицев в Сталинграде!

– Наверное, было за что, – Макаров равнодушно пожал плечами.

– И что думаешь по этому поводу? – не унимался Юра.

– Да ничего, – Макаров толкнул дверь и вышел из корпуса, – я вообще не люблю драки.

– Как это, не любишь драки? – Юра округлил глаза, на ходу закуривая, – ты же занимаешься боями без правил, разве нет?

– Смешанными единоборствами, это разные вещи, – поправил Сергей, остановившись, – бои без правил незаконны.

То должен знать, как будущий юрист! – он усмехнулся и похлопал Юру по плечу.

– Смотрите, какие мы правильные! – Юра рассмеялся, – нет, ну согласись, парни красавцы. Интересно, их теперь не отчислят? А что бы я сделал на их месте? – он задумался, – ты бы как поступил, Серег?

– Я бы защищал себя и своих друзей, – ответил Макаров, – но постарался бы избежать драки. Это первое, чему учат на тренировках, чтобы ты знал. Стараться не попадать в ситуации, где твои навыки могут пригодиться...

– А я бы тоже почистил им рожи! – восхищенно проговорил Юра, – нет, ну четко, четко, молодцы, парни...

– Болтал бы ты поменьше! – Сергей улыбнулся краем рта, – такие вещи обычно не остаются без последствий. Не разделяю твоего восторга. Я им совсем не завидую...

Макаров развернулся и пошел прочь, оставив Юру размышлять с тлеющей сигаретой в руке.

Остаток дня прошел без эксцессов. С последней пары троичку попросту выгнали, посоветовав сначала залечить боевые ранения, а потом приходить на занятия. Полтора часа спустя они сидели в столовой и запоздало обедали. Соболев после разговора с деканом просто вышел и, ничего не объяснив, отправил их на занятия, удалившись так же внезапно, как

и появился.

– Нет, ну офигеть, да? – говорил Фролов с набитым ртом, – пришел, потрещал с деканом и все! Нас уже не отчисляют! И знаете, что самое удивительное? – он посмотрел на товарищей, – я пробивал в курилках за этого Соболева. Знаете кто он? Студент! Обыкновенный студент, такой же, как и мы, правда, с пятого курса. Выпускник, то бишь, – он дожевал бутерброд и пододвинул к себе вторую тарелку с супом.

– Не такой уж и обычный, раз так нагло заявляется к декану и решает такие вопросы, – заметил Петровский, – слушай, куда в тебя столько влезает? Вторую тарелку жрешь!

– Мои девяносто три килограмма надо хорошо кормить! – ухмыльнулся Фролов, похлопав себя по животу, – чтобы я был большим и сильным и мог еще кому-нибудь вломить!

– На твоём месте я бы так не радовался, – сказал Петровский, отхлебнув сок, – если мы тут еще кому-нибудь вломим, нас точно вышвырнут к чертовой матери. И никакой Соболев тут, боюсь, уже не поможет. Интересно, что за наказание нам придумает декан...

– Хозработы какие-нибудь, – негромко сказал Асхат.

– Думаешь? – Петровский с сомнением посмотрел на него.

– Ну, не плетями же нас пороть будут, – резонно заметил тот. Все трое рассмеялись. Асхат говорил мало, но по делу, и всегда умел попасть «в яблочко».

– Ладно, что там еще про него говорили? – Петровский вернулся к основной теме разговора, – я смотрю, с нами теперь говорят охотнее?

– А то! – гордо заявил Фролов, – мы тут теперь типа национальные герои! Прикиньте, оказывается, эти упыри не в первый раз трамбовали первашей! А мы первые, кто дал им реальный отпор. Так что мы теперь в авторитете!

– Авторитет хренов, – хмыкнул Петровский, – так что там с этим Соболевым?

– А ничего, – крикнул Фролов, – о нем почему-то особо не распространяются. Отмалчиваются в основном.

– Понятно, – Петровский кивнул, – точно, важная птица. Ну, это с первой минуты было ясно. Интересно, почему его все так боятся? И, самое главное, чего ему от нас надо?

– А с чего ты взял, что ему от нас что-то надо? – удивленно спросил Фролов.

– Дима, ты в какой стране вообще живешь? – осведомился Петровский, – ничего не бывает просто так, пора бы запомнить!

– А может, реально просто так, – пожал плечами Фролов, – может он, типа Робин Гуд. Помогает всем и ничего не просит взамен. Может ведь такое быть...

– Это вряд ли, – Петровский отрицательно покачал головой.

– Ну да! – Фролов вытаращил глаза, – он – опасный гангстер и хочет использовать нас по своим криминальным по-

ручениям! – он расхохотался, – Костян, ты параноик!

– Хочется надеяться, – Петровский залпом допил сок и встал из-за стола.

– Ты куда собрался? – спросил Фролов.

– Хочу узнать, что же это за студент Соболев, о котором боятся говорить в курилках, – спокойно ответил Петровский.

– Каким же образом, Холмс? – осведомился Фролов.

– Найду его и поговорю с ним, – пояснил Петровский.

– С кем, с Соболевым?! – Фролов изумленно вытаращил глаза. Даже Асхат поднял удивленный взгляд от своей тарелки.

– А он что, языческое божество?! – в тон ему ответил Петровский, – как бы там ни было, он в первую очередь человек и такой же студент, как и мы, кто бы там за ним не стоял. Так что не вижу в этом проблемы. А тебе, Дима, рекомендую пока жить в состоянии контролируемой тревоги.

– С чего бы вдруг? – не понял Фролов.

– Я, конечно, попытаюсь сыграть на опережение, но не факт, что получится мгновенно, – объяснил Петровский, – а если так, то этот Соболев может сам очень скоро заявить о себе. Молись, Дима, чтобы твоя х...я про Робин Гуда оказалась правдой.

– Здорово! – Петровский сел в машину Костомарова и коротко пожал ему руку.

– Привет! – бросил тот, – ого! Кто это тебя так разукусил?

– Местное гостеприимство, – Петровский нехорошо усмехнулся, – тест на устойчивость от местных старшекурсников.

– Бывает, – кивнул Костомаров, трогаясь с места, – помощь нужна?

– Уже разобрались, – отмахнулся Петровский, – двое пацанов с группы впряглись. Мы их нормально обработали. Двоих вроде до больнички.

– Сколько было? – спросил Костомаров, ловко выкрутив руль и перестроившись в потоке.

– Тех пятеро, – ответил Петровский.

– Ого! – Костомаров присвистнул, – значит, нормальные пацаны у тебя в группе. Заяв-то на вас не напишут, раз по тяжелой их обработали?

– Да вроде не должны, – Петровский пожал плечами.

– Вроде... Володя, – передразнил Костомаров, – вопрос на контроле держи, а то мало ли...

– Нас вообще отчислить хотели, – сказал Петровский, – но вопрос решился.

– По бабкам решил? – спросил Иван.

– Хотел, – ответил Петровский, – не знаю, что бы из этого вышло, но не пришлось. За нас впрягся какой-то пятикурсник. Похоже, из местных блатных и имеющий какие-то заморочки с деканом.

– Родственник, может, – предположил Костомаров и нажал на гудок, – куда ты лезешь, осел, в левый ряд?! Упырь! – он обогнал японскую иномарку и снова вдавил газ в пол.

– Может и родственник, – продолжил Петровский, – понятия не имею, зачем он нас отмазал.

– Редко что-то просто так бывает, тебе ли не знать, – задумчиво произнес Костомаров, – хочешь выяснить? – он бросил на друга понимающий взгляд.

– Хочу, – кивнул Петровский, – сегодня не вышло выпить, но ВУЗ-то небольшой и тесный. Вытащу, да спрошу.

– Что, напрямую?! – Костомаров даже машину остановил.

– Ванек, и ты туда же?! – раздраженно осведомился Петровский, – мои тоже охренели, как узнали, что я собираюсь просто с ним поговорить. Что он, из чего-то другого сделан, чем все остальные?

– Твой вопрос, тебе решать, – Костомаров пожал плечами.

– Ладно, это лирика, – отмахнулся Петровский, – куда сейчас-то едем?

– А это очень интересно! – Костомаров ухмыльнулся, – царापину на моей ласточке видел?

– Не обратил внимания, – признался Петровский, – и?

– Зацепил один засранец, пока я в магазине был, – пояснил Костомаров, – зацепил и смылся с места аварии. Вот только дядю Ваню не проведешь. Дядя Ваня весь расклад нашел!

– Руслик? – Петровский понимающе усмехнулся.

– Он, родной, – кивнул Иван, – подключил родню, и видео с камер мне пробил, и информацию на автомобиль нашел. Так что едем смотреть в глаза водителю черной «Ауди А7» и вызывать к мукам его совести...

– Ванек, ты рехнулся? – опешил Петровский, – серьезно собрался ехать на разборку с чуваком на «авдотье»? Ты представляешь, кто там может оказаться? И что он с нами сделает? Может, лучше доедем до психиатра, пока травматолог или анатом не понадобится?

– Что, сдрейфил? – ухмыльнулся Костомаров.

– Разум не имеет ничего общего с трусостью, – отрезал Петровский.

– Да не ерзай так! – успокоил Иван, – там все не так страшно, как ты думаешь. Говорю же, Руслик достал весь расклад. А знания – сила! – он вновь усмехнулся.

– Тогда, может, расскажешь? – гневно осведомился Петровский.

– Сам все увидишь, – пообещал Костомаров, – будешь в восторге, уж поверь мне.

В подъезд нового многоэтажного дома они попали по отработанной схеме. Обладавший не по годам взрослым голосом Костомаров звонил в первую попавшуюся квартиру и представлялся то почтой, то газовой службой. Чаще всего открывали, хотя случались и промашки. В этот раз все прошло гладко.

– Может, уже объяснишь, в чем прикол? – спросил Петровский, когда они поднимались по лестнице.

– Сам все увидишь, – снова пообещал Костомаров, – только обещай сильно не ржать, а то все испортишь.

Они поднялись на седьмой этаж. Костомаров, похоже, прекрасно знал нужную квартиру и сразу же позвонил в дверь. Через несколько секунд послышалась возня с той стороны.

– Кто?

– Вас беспокоит «Нобельск-Телеком», вы уже подключились к нашему провайдеру? – начал Костомаров заискивающим тоном.

– Как вы уже за... и! Вам же говорили, валите отсюда на хрен! Вы тупые... ой! – дверь едва раскрылась, и Костомаров тут же схватил за грудки и выволок в подъезд худощавого паренька с курчавыми волосами.

– Помнишь меня? – осведомился Иван, грозно глядя

на свою жертву.

– Ты кто такой? Чего тебе надо? – испуганно пропищал тот.

– Я – совесть твоя, мучить тебя пришел! – ответил Костомаров и занес кулак над головой паренька. Петровский усмехнулся уголками рта. Похоже, он начал понимать, что к чему.

– Чего? – паренек вытаращил глаза, – ты что, псих? Ненормальный?! Чего тебе от меня надо? Ты вообще знаешь, с кем... – он осекся, потому что Костомаров отвесил ему небольшую затрещину.

– Не понял, за что? – осведомился он, – прочистить память?

– Ну все, вам хана! – завопил паренек, – знаешь, кто мой папа? Да он вас...

– Знаешь, кто мой папа! – передразнил Костомаров, – все они такие, говорил я тебе про этих мажоров! – он обернулся к Петровскому, – твой папа, боюсь, не обрадуется, узнав за твои грешки, щегол!

– Какие грешки? Ты вообще о чем? – пискнул курчавый паренек.

– Я об инциденте с автомобилем «ВАЗ2112» вчера в полдень и уход с места ДТП! – рявкнул Костомаров, – про вождение без прав я вообще молчу! Мало тебе, мало? – он замахнулся, заставив перепуганного парня втянуть голову в плечи и зажмуриться, – думал, не найду тебя? А я, при-

кинь, нашел!

– Ты вообще о чем... – начал парень, но увидев у своего носа пудовый кулак переключился на другую волну, – да мой папа тебе яйца оторвет, если узнает, что ты меня прессовал, ты понял?! – выкрикнул он и снова зажмурился, ожидая, что будут бить. Но тумаков не последовало.

– Да ну? – хмыкнул Костомаров, – а что он, стесняюсь спросить, оторвет тебе, если узнает, что ты опять взялся за старое?

– За какое старое? – парень сделал вид, что снова не понимает, – ты вообще о чем?

– А я о твоей езде на машине без прав с друзьями и вашими сосками! – пояснил Костомаров, – ладно, без прав, ладно, с «алкашкой», хрен бы! Но ведь тогда в машине нашли не только вискарь, правда, Коля Соколовский? Что, отмазал папуля, думал, никто не узнает? Я бы вас в колонию на его месте отправил! Представь, что будет, если по возвращению из командировки папа узнает, что ты продолжаешь чудить в том же духе? Берешь без спроса машину, бухаешь за рулем, куришь дурь! Кому из нас что оторвут, а? – он в упор смотрел на парня.

– Но этого не было! – прошептал тот, будучи уже едва живым от страха.

– Да ну? – хмыкнул Костомаров, – а пятно на белой коже от пролитого алкоголя? А следы «ганжи» в салоне? Нужно быть осмотрительнее!

– Там ничего нет, этого не было! – отчаянно завопил паренек, пытаясь вырваться. Бесплезно. Костомаров держал его железной хваткой.

– А если будет? – участливо осведомился Иван, – с учетом твоих прошлых грешков, подумай, кому поверит папа? И, самое главное, что он с тобой сделает?

– Откуда ты все это знаешь? – прошептал паренек, со страхом глядя на Ивана, – ты что, мусор?

– В ведре у тебя мусор, понял? – Петровский заметил, что ни положительного, ни отрицательного ответа на вопрос о принадлежности к МВД его друг не дал, – так что, будем звонить папе? Или есть другие предложения?

– Сколько? – обреченно спросил паренек, переводя взгляд с Костомарова на скромно стоявшего в стороне Петровского.

– Вот это другой разговор! – Костомаров похлопал парня по щеке, – договоримся, мажорик!

Они вышли из подъезда и остановились около машины Ивана.

– Поехали отсюда быстрее, а то не ровен час, правда, папа приедет, – предложил Петровский, – его так не прессанешь.

– Не суетись, папа приедет из Москвы не раньше послезавтра, – отмахнулся Иван, пересчитывая деньги, – держи, твоя доля, – он протянул Петровскому несколько купюр.

– Да мне-то за что? – пожал плечами тот.

– Ну, не хочешь, как хочешь, – ответил Иван и в шутку попытался забрать деньги обратно.

– Руки убрал, зашибу! – весело рявкнул Петровский.

– Я-то знаю, что ты на бабки падок! – Костомаров расхохотался, – мажорик нормально раскошелился. Тут и за ремонт, и за беспокойство, и за моральный ущерб, и чтобы папе не звонить!

– Весь расклад про пьяную езду и траву тебе тоже Руслик нарыл? – осведомился Петровский.

– А то! – хмыкнул Костомаров, – Руслик – наш мудрый серый кардинал, всегда готов помочь друзьям в трудную минуту! – он вновь рассмеялся.

– Ага, а знаешь, почему мудрый? – проговорил Петровский, – потому что в отличие от нас умеет не только решать такие ситуации, но и не создавать их. Пошлет нас Руслик когда-нибудь ни три буквы и будет прав!

– Не пошлет, он пацан понимающий! – заверил Костомаров, – а с его завязками такие вопросы на раз-два решаются! – он снял машину с сигнализации и открыл дверь.

– А у тебя есть подход к детям, – заметил Петровский.

– Ага, – Костомаров кивнул, – система в лучших традициях Макаренко. Метод кнута и кнута.

– Не пора и своих заводить? – усмехнулся Петровский.

– Сплюнь, балбес! – отмахнулся Костомаров.

– Да нет, я серьезно, задумайся!

– Костян, иди в задницу, сейчас пешком домой пойдешь!

Шутливо разговаривая, они сели в машину. Солнце уже приобрело ярко-красный оттенок и понемногу скатывалось за линию горизонта.

2. Наследие

– Константин Петровский с самого начала был не такой, как остальные. Это было заметно, но никто не мог предположить, куда выведет эта неординарность.

– Чтобы устроить все таким образом, как устроил Петровский, нужен был бы немалый авторитет. Иначе люди просто не пошли бы за ним, я прав?

– Разумеется. Все началось с небольшой компании, образовавшейся лишь в виду стечения обстоятельств. А за этим последовала цепочка на первый взгляд случайных, не связанных между собой событий, но каждое из них внесло свою лепту, образовало фундамент, на котором в итоге была построена «Сеть Петровского».

– Хотите сказать, что «сеть» – лишь результат череды случайных событий?

– Скорее, следствие. По большому счету, случайностей не бывает вообще. Но, вероятно, если бы хоть одно из этих событий не произошло, «сеть» бы вовсе никогда не существовала. Не будь той стычки со старшими студентами – Петровского не узнал бы весь университет. Не будь череды последовавших за этим событий и совпадений, его авторитет среди студентов не взлетел бы до небес. Им нужно было лишь правильно повести себя в тех или иных ситуациях, вряд ли даже они тогда представляли, во что все это выльет-

ся в итоге. Прошу простить мою многословность, но чтобы остановить все это, нужно понять их. Поэтому придется рассказывать все по порядку...

– Больно, с...а! – Саня сплюнул на асфальт и потрогал свое лицо, на котором все еще оставались синяки.

– Не ной, – буркнул Артур, бросив сигарету в урну, – еще не вечер, они ответят за то, что сделали.

– Вам мало? – окликнул один из стоявших поблизости пятикурсников, – жизнь, я смотрю, совсем ничему не учит? Я слышал, вы неслабо огребли от первашей!

– Был зацеп, – мрачно ответил Артур.

– Зацеп? – хохотнул студент, – впятером против троих? У них все более-менее целые, а вас попросту разбили? Ты называешь это зацепом? Ребята, да они вас поимели!

Послышался хохот. Артур злобно посмотрел на собеседника, но побоялся вступить в открытую конфронтацию со старшими студентами.

– Они за все ответят, – хмуро сказал он, – я их асфальт жрать заставлю!

– Нет, Артур, тебя точно жизнь ничему не учит! – заявил Соболев, тоже стоявший в компании однокурсников, – они уже показали себя, наказали вас в ситуации, когда вы были не правы! Они – национальные герои, а вы опростоволоси-

лись! Чего ты еще хочешь?

– Я хочу, чтобы эти уроды знали свое место! – заявил Артур.

– Поверь мне, они его знают! – Соболев ухмыльнулся, – и оно уж точно повыше вашего. Единственный правильный выход для вас – сделать вид, что устроили «первашам» что-то вроде проверки на вшивость, и они ее прошли. Попробуйте снова цеплять их – сами же поднимите их авторитет еще выше, а вас станут презирать, как натуральную нежить!

– Мы сами разберемся, – проговорил Артур.

– Ну, разбирайтесь, разбирайтесь! – хмыкнул Соболев, – я никого не учу жить, это всего лишь дружеский совет. А там думай, Артурка! – он хохотнул.

Артур снова злобно посмотрел на собеседника, но ничего не сказал.

– У тебя как вообще с историей, нормально? – спросил Фролов.

– Вроде не жалуясь, – ответил Петровский, подняв глаза, – поживем – увидим.

– А спорим, ты ни хрена не шарить в истории! – усмехнулся Фролов, – спорим, легко поймаю тебя! Давай, на пять штук!

– Отстань, нет у тебя пяти штук, – хмыкнул Петровский.

– Ни хрен с ним, давай не на пять штук, давай на халявный обед в столовой! – раззадоривал Фролов.

– Давай, все равно же не отвяжешься! – спокойно ответил Петровский.

– В каком году началась Вторая Мировая? – спросил Фролов, – отвечай быстро, не задумывайся!

– В тридцать девятом, умник, это все знают! – Петровский ухмыльнулся, – только у нас так-то история государства и права, а твой вопрос скорее из истории Отечества, но все равно, похоже, сегодня ты меня кормишь...

– Ну и ладно! – бросил Фролов, – Алин! Алин! – он позвал одноклассницу.

– Что? – Алина обернулась.

– В каком году началась Вторая Мировая? – спросил Фролов.

– Ты реально не знаешь или прикалываешься? – Алина удивленно подняла брови, – в сорок первом, конечно!

– Видишь! – Фролов удовлетворенно посмотрел на Петровского.

– И что ты хотел доказать? – осведомился он, – то, что она не понимает разницы между Второй Мировой и Великой Отечественной? Прости, солнце, ты прекрасна, но история – не твой конек!

Алина улыбнулась, обрадовавшись комплименту в свой адрес. Нелестный отзыв Петровского о ее эрудированности, впрочем, несколько ее не смутил.

– Зачетная, – хмыкнул Фролов.

– Зачетная, – согласился Петровский.

– Ну что, забьемся на троих? – предложил Дмитрий, – я, ты и Асхат!

– По поводу? – не понял Петровский.

– Ну, кто из нас первым опрокинет кого-нибудь из группы в горизонтальное положение! – Фролов хитро подмигнул, – типа соревнование получится!

– Твоя нездоровая тяга к спорам начинает накалять, – Петровский усмехнулся, – отвяжись от меня, не буду я больше с тобой ни на что спорить.

– Да ладно, прикольно же! – не успокаивался Фролов, – ну, все так делают, чего ты?

– А я не все, – хмыкнул Петровский, – я сказал: отвали.

– Понятно, сдулся! – отмахнулся Фролов, – Асхат, а ты что скажешь?

– Нет, не буду спорить, – коротко ответил он, подняв глаза, – получится, значит, получится. Нет, так нет.

– Ну, с вами вообще неинтересно! – раздосадовался Фролов.

В это момент зазвенел звонок. Спустя несколько секунд дверь аудитории открылась, и показался преподаватель: высокий и худой, но широкоплечий, одетый в рубашку и брюки.

– Все здесь, что ли такие пунктуальные, – пробурчал Фролов, поднимаясь с места, чтобы поприветствовать вошедшего.

– Присаживайтесь, не люблю долгих приветствий, – разрешил преподаватель, – добрый день, уважаемые друзья. Меня зовут Семенов Антон Алексеевич. Если мое имя кому-то кажется слишком сложным для запоминания, можете его записать...

В аудитории послышались смешки.

– В этом семестре я буду вести у вас историю государства и права, – продолжил Семенов, – дисциплина длится один семестр, в конце которого мы в едином порыве и, надеюсь, успешно, сдаем экзамен...

Фролов открыл тетрадь и записал на полях: «История отечества. Экзамен. Хз».

– Что значит: «хз»? – не понял Петровский.

– Это значит, я не знаю, решается вопрос или нет, – пояснил Фролов.

– Ты в универе без году неделю, а уже собрался давать кому-то взятку? – хмыкнул Петровский.

– Кто бы говорил! – Фролов ухмыльнулся и ткнул приятеля локтем в бок.

– А обучаться мы будем по дурацкой кредитно-модульной системе, все прелести которой я обязан вам объяснить! – сказал тем временем Семенов.

– Дурацкой? – переспросил Фролов.

– Да-да, вы не ослышались, именно дурацкой! – Антон Алексеевич согласно кивнул, – а вы считаете иначе?

– Ну, не знаю, – Фролов пожал плечами.

– Если хотите поговорить о минусах такой системы, то они вполне очевидны, – спокойно продолжал Семенов, – но, я думаю, вы и так догадываетесь...

– Попробую угадать: минус в том, что экзамен принимает компьютер, а не живой человек? – в дискуссию вмешался Петровский, – да и вообще в тотальной компьютеризации образования, я прав?

– Вот видите, – Семенов улыбнулся, – я ведь сказал: вы сами все прекрасно понимаете. А подобная проверка знаний, что итоговая, что промежуточная, я убежден, никоим образом не показывает истинный уровень образованности того или иного студента.

– Ну, наверное, так, половину ответов можно банально угадать, – Петровский кивнул, – даже будучи недалекого ума, – он постучал костяшками пальцев по столу.

– Ругать нововведения или хвалить, каждый решает для себя, но факты налицо, – Семенов развел руками, – увы, в последнее время работодатели жалуются на уровень профподготовки. С каждым годом он падает. Поэтому мое мнение таково: дурацкая.

Он направился к кафедре и открыл списки, желая, видимо, перейти к знакомству с группой.

– То есть, хотите сказать, что мы станем плохими юристами? – Петровский прищурился, не сводя взгляда с преподавателя.

– Этого я не говорил, – спокойно ответил Семенов, – при-

подняв глаза. Все зависит в первую очередь от вас. От вас лично, друг мой, и от каждого студента.

– А разве это не ваша обязанность: дать нам необходимые знания? – с вызовом спросил Петровский.

– Костян, ты чего?! – Фролов дернул его за рукав, – тебя, по ходу, занесло!

– погоди ты! – вполголоса одернул Петровский.

Семенов отреагировал на выпад на удивление спокойно.

– Безусловно, за вами есть правда, – он согласно кивнул, – как преподаватель, я должен дать вам весь необходимый багаж знаний. А как педагог, даже больше. Это не совсем правильно и этично – обсуждать с вами такие вопросы, но раз уж вы сами начали, скажу: все мы люди. Добросовестность, ответственное отношение и исполнительность, как вы, наверное, догадываетесь, разнится не только у студентов. И, думаю, на этом стоит прекратить, мы итак подошли к слишком тонкому вопросу. Поэтому я сказал: истинные педагоги, коих у нас, к счастью, немало, дадут вам все, что только смогут, но и вам придется делать шаги навстречу, где-то и проявлять инициативу самим. Тогда вы сможете овладеть своей специальностью и хорошо показать себя на будущих местах работы.

– А вы, значит, надо полагать, педагог? – уточнил Петровский. В аудитории повисла гробовая тишина. В вопросе прозвучал явный вызов.

– Да, считаю себя таковым, надеюсь, заслуженно, – отве-

тил Антон Алексеевич, – я вижу свое призвание в этом. Я постараюсь дать вам не только знания, но и вложить в вас что-то большее. Если, конечно, вы сами этого захотите. И если хоть один студент уходит с моих занятий не «пустым», значит, я живу и работаю не зря.

– То есть, вы считаете, ваше счастье в этом? – вкрадчиво осведомился Петровский.

– Да, в этом, – коротко ответил Семенов, – но мы как-то совсем далеко ушли от нашего предмета. Простите, могу я узнать ваше имя?

– Константин, – ответил Петровский.

– Очень приятно, Константин, – кивнул Семенов, – давайте так: если хотите поговорить на личностные темы, волнующие вас, можете подойти ко мне после занятий, я открыт для диалога. Но сейчас предлагаю, все же, вернуться непосредственно к теме лекции.

Петровский криво ухмыльнулся.

– Костян, у тебя колпак уехал?! – пораженно прошептал Фролов, – ты чего до него докопался?

– Я не докапывался, – тихо ответил Петровский, – пока.

– Зачетки свои давайте! – негромко сказал Соболев. Все четверо присутствовавших протянули зачетные книжки. Андрей приоткрыл одну и усмехнулся, – кино насмотрелись

что ли? Больше так не делайте!

Второкурсники переглянулись. Соболев посмотрел на них с беззлобной усмешкой.

– Все такие, да? – уточнил он, глядя на волновавшихся студентов, – ладно, понятно! – Андрей покачал головой и осторожно извлек из зачеток аккуратно сложенные купюры, – номер свой пиши! – он протянул одному из студентов мобильный телефон.

– Вот! – тот вбил свой номер в память и отдал Соболеву.

– Хорошо, Макс, жди звонка, сегодня вечером заберете, что делать с дополнительной ведомостью, знаете?

– Да, – все дружно закивали.

– Старайтесь впредь закрывать вопрос вовремя, а не дотягивать до комиссионной сдачи, – напутствовал Соболев, – это всегда морока и всегда сложнее решается, поэтому и... – он выразительно приподнял брови.

– Ясно, – тот, которого Андрей назвал Максом, кивнул.

– Все, идите, не переживайте, все будет нормально, – пообещал Соболев.

Все четверо студентов двинулись вниз по лестнице. Андрей проводил их взглядом и цокнул языком. Уже на два пролета ниже до него донеслись обрывки их разговоров.

– Да по любому себе накрутил...

– Да сто пудов!

– А ты знаешь еще, кто может решить...

– Дети, – Соболев покачал головой, – годы идут, а жизнь

не учит...

Он прошелся по пустому коридору и зашел в уборную. Убедившись, что внутри никого больше нет, Соболев достал внушительный «пресс». Затем отделил от общей пачки вторую, раза в полтора меньше и убрал в левый карман пиджака.

– А это вам! – он назвал имя-отчество, но намеренно невнятно, хотя никого, кроме самого Соболева здесь не было. Потом усмехнулся и убрал пачку повнушительнее в правый карман пиджака.

– На этом все могут быть свободны! – закончил Семенов.

– У нас здесь пара, – подала голос Алина.

– А, здесь... Ну, тогда свободен могу быть я, а вам счастливо оставаться! – улыбнулся Семенов. Он взял со стола свою папку и направился к выходу.

– Антон Алексеевич! – у самых дверей Петровский остановил его. Семенов обернулся.

– Да, Константин, слушаю вас, – преподаватель обладал отличной памятью на лица и имена.

– Вы обещали мне аудиенцию во внеучебное время, – Петровский криво и очень нехорошо ухмыльнулся. Двусмысленность ухмылки не скрылась от внимания Семенова, но он не отступил.

– Да, я помню о своих обещаниях, – Антон Алексеевич

кивнул и бросил взгляд на часы.

– Да я не отниму много времени, – Петровский проследил взгляд преподавателя и вновь одарил того наглой циничной усмешкой, – я только хотел спросить: так ваше счастье в преподавании? И только?

– Не только разумеется, – спокойно ответил Семенов, – но это один из наиболее значимых аспектов, разве не об этом мечтает почти каждый? Зарабатывать на жизнь, занимаясь любимым делом...

– И много ли приносит это «любимое дело»? – фыркнул Петровский. Фролов и Асхат насторожились, прислушиваясь к разговору. Помимо них еще с полдюжины студентов, не покинувших аудиторию, старательно вслушивались в спровоцированную Петровским дискуссию.

– Что вы имеете в виду? – Семенов прищурился, казалось бы, беззлобно, но ясно давая понять: вызов принят и отступать он не собирается.

– Ну, я о том, типа, материальная сторона вопроса вас вообще не волнует? – Петровский смотрел в глаза, – ну, мы же все знаем, сколько зарабатывает преподаватель. У вас семья есть? Дети?

– Вы задаете уж очень откровенные вопросы для первого знакомства, Константин, – хмыкнул Семенов, – но, если хотите, да, есть...

– И что, прямо хватает? – не отставал Петровский, – вы же глава семьи, так как же обеспечить целую семью, слышал,

на бюджетную зарплату себя-то обеспечить проблематично?

– Совсем озверел пацан! – буркнул Фролов в полголоса, – вот он теперь оторвется в сессию!

– Я прошу простить небольшую вольность, – Семенов улыбнулся открыто, но двусмысленно и положил руку Петровскому на плечо: не грубо, но достаточно крепко, – обсуждать свое благосостояние я не обязан, но скажу так: напомните мне вашу фамилию?

– Петровский, – ответил тот, косясь на руку у себя на плече.

– Петровский, Петровский, – Семенов поднял глаза, словно что-то вспоминал, – в списках «Forbes» вас не припоминаю...

На этом моменте в аудитории послышались смешки. Хотел и сам Семенов.

– Не обижайтесь, Константин! – он слегка похлопал по плечу, – открою вам секрет: бывает и так, что в семье работают два, в отдельных случаях три и более человек, бывает даже, что не на одной работе, – по аудитории снова прошелся хохот, – а еще есть такая вещь, как подработки, легальные естественно. Но это лирика. Не всем из нас суждено родиться Ротшильдами или Рокфеллерами, но ведь это не повод впадать в депрессию...

Улыбка исчезла с лица Семенова. Он понизил голос, теперь обращаясь только к Петровскому.

– Константин, я прекрасно понял ваш вопрос и вашу по-

зицию, – произнес Семенов, глядя в глаза, – целеустремленность и тяга к достатку – это хорошо, но усвойте одно: деньги – средство. Не самоцель, – Антон Алексеевич пристально посмотрел на собеседника, – не самоцель, – выделил он, – запомните это.

Семенов еще раз похлопал Петровского по плечу и, считая разговор оконченным, кивнул и, повернувшись, вышел из аудитории.

– Костян, ты чего к нему пристал? – Фролов вытаращился на приятеля, – выделиться захотелось? Не самый лучший способ! Вот он теперь тебе в сессию устроит!

– Ага, вот и отлично! – Петровский ослабился, – пускай устраивает. Заодно и покажет свое истинное лицо.

– Ты о чем? – резко спросил Фролов.

– Дима, повторю еще раз, если ты не понял! – начал Петровский, – я не клоун, чтобы выставляться перед людьми, и ничего не делаю просто так! Ты что, реально купился на всю его пропаганду?!

– Т так завелся из-за того, что он тебе нос утер? – Фролов ткнул приятеля кулаком в бок, – что, есть люди с зыками не менее подвешенными, чем твой, да, Костян?

– При чем здесь это, балбес! – Петровский с досадой стряхнул руку Дмитрия, – просто этот Семенов явно совсем не тот, за кого себя старательно выдает.

– Как по мне, он, конечно, маленько шизик! – Фролов хохотнул, – повернутый чел типа, – он покрутил пальцем у вис-

ка, – динозавр, не знаю, болеет он своим делом, принципиальный по ходу...

– Я же говорю, купился! – Петровский ухмыльнулся.

– Так просвети, Пуаро! – рявкнул Фролов, раздражаясь.

– В уши он вкручивает, – пояснил Петровский, – знаю я эту породу, ставит тут из себя такого правильного и идеального. А на деле... – он сделал двусмысленный жест рукой.

– Да ладно тебе, вряд ли, – Фролов недоверчиво посмотрел на приятеля, – ты о леваках? Думаешь, берет на лапу?

– Нет, живет на зарплату! – Петровский скривился, – вот тебе и ответ, почему вытягивал его на этот разговор. Хотел спровоцировать, вывести на откровение, чтобы не корчил из себя святого!

– Да ну нет, Костян, не прав ты! – стоял на своем Фролов, – если все так, все равно же вскрыется! Так зачем ставить из себя такое, да еще акцентировать на этом внимание? – он указал в сторону двери, за которой пять минут назад скрылся Семенов.

– А ты иди, его спроси! – хмыкнул Петровский, – недалеко еще ушел.

– Как по мне, он не гнал, – задумчиво проговорил Фролов, – реально блаженный...

– А как по мне – двуличием за километр несет! – отбрил Петровский.

– А как по мне, так вы оба неправы! – их одnogруппница Аня Савельева, все это время краем уха слушавшая раз-

говор, наконец, вмешалась, – ни одному из вас не приходило в голову, что человек может любить свою работу, пусть и не зарабатывать на ней миллионы, при этом быть честным, даже если есть возможность наживаться? И что это не обязательно означает, что он какой-то там сумасшедший? – она сердито посмотрела на Фролова с Петровским.

– Все хотят есть, – проговорил Петровский, глядя на девушку.

– Но это не обязательно значит, что аппетиты у всех непомерны! – парировала Аня.

– Не знаю, – Петровский криво усмехнулся, – я по-другому не видел...

– Я видела, – твердо сказала Савельева, – не все стремятся только к непомерно толстым кошелькам. Простое человеческое счастье все равно не в деньгах, как бы необходимы они не были...

– Ага, в их количестве! – гоготнул Фролов.

– Дурачки, – Аня пожала плечами и отправилась на свое место в аудитории. Петровский и Фролов проводили ее взглядами.

Макаров вошел в комнату и увидел мать, сидевшую на диване. Запоздало заметив сына, та что-то быстро убрала в шкатулку, но Сергей сразу понял, в чем дело.

– Что, все плохо? – он присел рядом на край кровати и кивнул на шкатулку.

– Да нет, Сереж, нет, нормально! – поспешно ответила мама, намереваясь встать и убрать шкатулку с остатками денег на полку, откуда и взяла. Макаров мягко остановил ее.

– Мам, ну мы ведь одна семья, – начал он, – можем говорить друг другу правду. Денег совсем мало осталось, да? – Макаров посмотрел матери в глаза.

– Цены растут, – грустно произнесла она, – до пособия еще больше недели. Такое чувство, что оно просто... – мама всхлипнула, но поспешила убрать наворачнувшуюся слезу, – да ладно, Сережа, не переживай, все будет нормально. Что-нибудь придумаем...

– Ну что ты собралась придумывать, мам? – Макаров положил руку ей на спину.

– На работу куда-нибудь устроюсь, – мама выдохнула и взяла себя в руки, – что уж я, совсем немощная? Что там сейчас делать можно? Листовки раздавать пойду, дом кому-нибудь убирать...

– Мам, на такую работу тебе нельзя! – воскликнул Сергей, – а щадящую для тебя теперь найти почти нереально! Даже не думай об этом, слышишь? Пообещай мне! Мам! – Макаров вновь заглянул ей в глаза.

– Что-то придется решать так и так, – мама развела руками.

– Я пойду, – Сергей решительно встал, – для взросло-

го крепкого мужика работа всегда найдется, какая-никакая, а хватать нам будет...

– Но у тебя же учеба, – попробовала возразить мама, – а еще спорт. Сынок, ты просто все не успеешь...

– Да, есть вероятность, что что-то одно придется бросить, – Макаров вновь сел, – учебу – не вариант. Значит, придется тренировки. Это – оптимальный выход...

– Но ты же их так любишь! – грустно сказала мама.

– Чем-то все равно придется жертвовать, – Макаров развел руками и посмотрел куда-то в сторону, – если возникает необходимость. Не переживай, мам, все будет нормально...

– Может, все-таки...

– Нет! – Макаров мягко приложил палец к маминым губам, – ты работать не пойдешь и точка. Т слишком для меня дорога, не смей собой рисковать. Я должен решить эту проблему. И я ее решу.

– Так не хочется лишать тебя любимого дела, – прошептала мама. В ее глазах стояли слезы.

– Может, еще и не придется, всякое бывает, – Сергей решительно встал, – все, мам, я пойду, мне к третьей паре сегодня. Буду сегодня поздно, попробую уже вечером что-нибудь найти!

Макаров взял сумку и быстрым шагом вышел из комнаты. Мама проводила его взглядом заплаканных глаз.

– Прости, Сережа, – проговорила она, – прости...

– Дорогая, я дома! – Семенов открыл дверь ключом и, войдя в прихожую, позвал жену. Елена появилась в коридоре спустя минуту. С кухни пахло чем-то вкусным, жена знала, во сколько Антон Алексеевич будет дома и приготовила обед заранее.

– Привет, Антош! – она подошла и поцеловала мужа в щеку, когда тот снял обувь, – голодный?

– Спрашиваешь! – Семенов рассмеялся, – хочу жить долго, посему стараюсь питаться в наших местных столовых только в крайних случаях! – пошутил он.

– Иди тогда на кухню, я котлеты сделала! – Лена рассмеялась.

Антон Алексеевич снял пиджак, прошел на кухню и, надев фартук, сел за стол. Лена положила ему две котлеты и картошку в глубокую тарелку.

– Как всегда, замечательно! – констатировал Антон Алексеевич, попробовав.

На несколько секунд повисло молчание. Семенов уплетал обед, жена налила в его чашку горячий чай и села за стол напротив, глядя на мужа.

– Как прошел день? – спросила она.

– Продуктивно, – ответил Антон Алексеевич, – я бы сказал, не рутинно. Отвел три пары. Новый набор студентов по-

направился, неплохой. Есть талантливые ребята, есть своеобразные... – Семенов на секунду замолчал, – даже очень своеобразные...

Вновь повисло молчание. Лена барабанила пальцами по столу.

– Что-то случилось? – спросила она, – не нашел общий язык с кем-то из студентов? Конфликт?

– Да нет, не то, чтобы конфликт, – задумчиво ответил Семенов, – да и поговорили мы неплохо... понимаешь, был один студент среди первокурсников. Не такой, как все что ли...

– Если у него зеленые волосы, серьги размером с тарелку или розовые ботинки, не переживай, это сейчас в порядке вещей! – пошутила Лена.

– Лен, ну я же серьезно! – Семенов улыбнулся и отхлебнул чай, – да нет, ты поняла, о чем я. Его ход мыслей... отношение к жизни, к людям. Оно... они слишком своеобразное для его возраста...

– Не по годам смысленый? – Елена приподняла брови.

– Скажу так, неглупый, – подумав, ответил Антон Алексеевич, – вопрос только в том, куда его ум может привести его самого, и... и окружающих его людей, – он посмотрел жене в глаза и замолчал.

– Так, мне уже страшно! – Лена усмехнулась, – почему в голову приходит Наполеон?

– Опять ты шутишь, – Семенов улыбнулся, но на этот раз

как-то уже невесело, – понимаешь, он потребовал от меня откровенного разговора. Не попросил, а именно потребовал. Задавал провокационные вопросы и хотел получить на них вполне конкретные ответы, такие, которые устроили бы его с его жизненной позицией. И, похоже, был очень задет тем что не получил их...

– А может, он просто выделялся? – предположила Лена, – они же первокурсники, вот и хотел повыпендриваться перед одногодками, ну чтобы уважали. Вроде как, не побоюсь с преподавателем в полемику вступить и все такое...

– В другом случае именно так я бы и подумал, но нет, – Семенов уверенно отмел вариант жены, – это не про него. Это не про Константина Петровского. Ему была нужна моя позиция. И он четко дал понять свою. Проблема в том, что у него не совсем верные идеалы. И они могут завести совсем не туда... – Семенов вновь замолчал, задумчиво разглядывая люстру.

– Ну, ведь это твоя задача: навести его на путь истинный! – Лена рассмеялась и похлопала мужа по плечу, – ты ведь настоящий педагог, разве не так?

– Не знаю, – Семенов вновь покачал головой, – формирование такого отношения к жизни и людям в таком юном возрасте... – он посмотрел жене прямо в глаза, – это не появляется просто так, из ничего...

Вновь повисло молчание, которое в последнем контексте даже показалось слегка жутковатым.

– Ладно! – Антон Алексеевич решительно хлопнул в ладоши, – давай-ка сменим тему! Не люблю говорить о работе за обеденным столом. Давай лучше отдохнем от мирских проблем!

– Тебя непросто выцепить! – заявил Петровский, следя взглядом за Соболевым, который неторопливо прохаживался по аудитории. Сегодня днем Андрей сам позвонил Петровскому на сотовый (номер он видимо взял в деканате, похоже, эта информация тоже была для него в открытом доступе) и предложил встретиться после занятий. Затем так же спокойно взял ключ от свободной аудитории, где они сейчас и находились, благо, в корпусе почти никого в это время уже не было.

– Меня не надо выцеплять, – улыбнулся Соболев, – я сам прихожу. Когда это нужно.

– Ну да, я заметил, – кивнул Петровский, вспоминая сцену в деканате, – тогда слушаю тебя...

– Ты меня? – Андрей приподнял брови, – мне казалось, это ты так активно хотел со мной увидеться, разве нет? – он доброжелательно, но с легкой иронией смотрел на Петровского. Соболев явно проверял, ждал реакции. Петровский это понимал, но очень злился по этому поводу.

– Ты же прекрасно понимаешь, почему! – начал он, – по-

являешься непонятно откуда, ни с того ни с сего отмазываешь, потом так же пропадаешь, ни хрена не объясняешь...

– А я что, обязан отчитываться? – Соболев вновь выказал ироничное удивление.

Петровский замаялся. А действительно, с чего бы ему отчитываться перед какими-то «перваками»?

– Ладно, не напрягайся! – Соболев рассмеялся, не желая, видимо, создавать неловкую паузу, – пива хочешь?

– А здесь что, можно пить пиво? – прищурился Петровский.

– Нет, конечно! – Соболев хохотнул, – но если очень хочется...

С этими словами он взял сумку, раскрыл ее и, осторожно, наполовину достав темный пакет, поднес к губам и сделал глоток. Затем протянул Петровскому. Тот пожал плечами и тоже отхлебнул. Соболев, надо сказать, знал толк и в напитках. Пиво было явно дорогим, даже близко не похожим на бюджетное студенческое «пойло». Подумав, Петровский сделал еще несколько солидных глотков.

– Нет, ну ты точно без комплексов! – рассмеялся Соболев.

– А что мне теперь, каждый раз в штаны с...ь и в угол забиваться при виде студента постарше? – осведомился тот, вытирая губы и протягивая сумку хозяину, – может, закончим уже эти игры? Если жути нагнать хочешь, можешь не напрягаться, я уже понял, что ты тут важная птица! За то, что меня и пацанов отмазал – спасибо, но если ждешь, что я тебе

за это задницу целовать буду, ты не по адресу, понял?

– Слушай, откуда в тебе столько агрессии? – Соболев вновь засмеялся.

– Не твое дело, – коротко ответил Петровский.

– Может, и не мое, – Андрей проявил тактичность и, в отличие от многих, не продолжил лезть с расспросами.

– Ну, так что, скажешь, что тебе нужно? – осведомился Петровский.

– А почему ты думаешь, что мне что-то от тебя нужно? – спросил Соболев.

– Привык, что просто так ничего не бывает, – ответил Петровский, – бесплатный сыр в последнее время стали убирать даже из мышеловок, инфляция сказывается! Так чего ты хочешь?

– Для начала хочу пригласить тебя выпить, – ответил Соболев, – ты не сильно торопишься?

– Да вроде бы некуда, – пожал плечами Петровский.

– Ну, и отлично! – Соболев похлопал его по плечу, – тут кафешка есть рядом с универом, «Оазис» называется, предлагаю там и засесть!

– Да, знаю, – Петровский кивнул, – ну, давай попробуем...

– Ваши бабки, пацаны, получите, расписываться необязательно! – бригадир разложил по столу деньги, затягиваясь

вонючей сигаретой, дым от которой распространялся по всей каморке.

– Две тысячи? – Сергей удивленно посмотрел на две купюры в своих руках, – речь шла о трех!

– Долго чесались! – рявкнул бригадир, подняв глаза, – лясы точите, курите битый час, вторая фура из-за вас на полчаса позже ушла! Время – деньги, пацан, слышал такую поговорку? – он ухмыльнулся и выдохнул дым прямо на Макарова.

– Я вообще не курю, – процедил тот.

– Да мне по х...! – отрезал бригадир, – забирай деньги, свободен, не нравится, можешь не приходить, ясно?

– Да, – Сергей зло посмотрел на него, – теперь мне все ясно...

Он убрал заработанные деньги в карман и быстрым шагом покинул каморку. На улице уже почти стемнело.

– Игнатъич, зажал, конечно, падла! – коллега по бригаде по имени Коля прислонился к стене ближайшего ангара и закурил, наверное, десятую за сегодня сигарету, – но он хоть работу находит, крысит, конечно, то по «пятихатке», то по «косарю» с рыла, но ведь не предъявишь, да и крыша у него... зря ты бычку врубил! – он выразительно посмотрел на Макарова.

– Непорядочно это, – проговорил Сергей.

– Он же тебе ясно ответил, ему по х...! – Коля расхохотался, – порядочно, непорядочно, кого это теперь колышет,

главное, барыш свой срубить! Ты парень здоровый, но молодой еще, жизни не видел! Каждый крутится, как умеет! Игнатич по косарю зажал, есть маза. Нас четыре хлопча трудилось, вот ему «четверка» сверху и упала. А это, брат, при хорошем раскладе, тридцатка с х...м в месяц набегает! Вот и считай. И класть всем на твою порядочность, братан, такто! – Коля цокнул зыком и выдохнул дым в вечернюю мглу.

– Вот поэтому и живут люди так, – пробурчал Сергей.

– О, брат, поплыл ты! – Коля хлопнул Сергея по плечу, – ты мне еще за политику задвинь! Не, брат, так дело не пойдет! Мой тебе совет: работай спокойно, если бабла малясь срубить хочешь, да на Игнатича больше не дергайся, а то мало ли что. Все так делают, кто может. Все себе долю гробут, это в порядке вещей. А кто не может, тот вот, как мы, горбатится! – Кол сделал жест рукой в сторону площадки, где они сегодня загружали фуры, – ладно, не загоняйся! Погнали лучше вон, в пельменную, по «беленькой» накатим, да расслабимся!

– Не пью, – отрезал Макаров.

– Спортсмен, – хмыкнул Коля, – ничего брат, запьешь еще. И закуришь. Жизнь она длинная. И непростая.

– Да, спасибо, я уже заметил, – кивнул Макаров, – ладно, удачи, пойду я.

– И тебе не хворать, – кивнул Коля, потянув из пачки вторую сигарету.

Макаров медленно побрел в сторону дома. Спина ныла.

Работой здесь нагружали непомерно. Завтра будет болеть. Сильно болеть. Особенно на тренировке. Надо будет не поддавать виду. И терпеть. Терпеть.

– Я в универе две недели, а уже второй раз бухаю! – задумчиво произнес Петровский, держа в руке рокс с виски, который заказал Соболев.

– Привыкай к студенческой жизни, – Андрей улыбнулся, – такая вот она. Запойная! Ну, давай что ли!

Они выпили. На некоторое время повисло молчание. Играла музыка. Симпатичная официантка принесла фруктовую нарезку.

– Спасибо, Оль! – Соболев улыбнулся. Похоже, он был здесь частым гостем и всех знал. По крайней мере, с мужской половиной персонала он здоровался за руку, а с женской кокетничал и весело болтал на отвлеченные темы.

– Пожалуйста! – официантка Ольга улыбнулась в ответ и удалилась.

– Ну, так что? – нетерпеливо спросил Петровский, – поговорим уже о сыре?

– О каком сыре? – не понял Соболев, – ах, да! Сыр, мышеловки, инфляция! Хорошая фраза, мне понравилась! Обязательно поговорим! – пообещал он, – и обещаю, что отвечу сегодня на все твои вопросы. Но вечер длинный, ты ведь

сам сказал, что не торопишься, правда? Ответишь сначала на пару моих?

– Ну, если только...

– Ничего интимного, упаси боже! – Соболев примиряюще поднял руку.

– Давай попробуем, – Петровский взял графин и принялся разливать, – спрашивай.

– Ты ответил им, – Соболев в упор уставился на него и начал после небольшой паузы, – не отступил, дал отпор. Не страшно было?

Понять, о чем именно шла речь, труда не составляло.

– Было, – сознался Петровский. Смысла врать он не видел, – поначалу было. Но это нормально, так всегда бывает. Бояться не стыдно, стыдно убежать. А по ситуации, главное, начать, а дальше само пойдет. Я думаю, ты сам понимаешь, что в том случае нельзя было поступить иначе. Дашь слаби-ну, сядут на шею...

– Ну да, понимаю, – Соболев помусолил в руке сигарету, – но самое главное: почему именно ты взял инициативу в свои руки?

– А что, взял бы кто-то другой? – Петровский криво ухмыльнулся.

– Ты не мог знать наверняка, – парировал Андрей.

– Вот именно, не мог, – Петровский отхлебнул немного виски и посмотрел собеседнику в глаза, – и проверять это было слишком чревато! Большинство людей по своей при-

роде овцы, к сожалению. В этом стаде может найтись пара-тройка достойных волков, которые прикроют спину в случае чего, как собственно и произошло. Но даже этих волков кто-то должен возглавить, направить. Это самое сложное, поэтому даже достаточно смелый человек не всегда возьмет на себя инициативу. Вот тебе и ответ.

– А ты, значит, тот самый альфа? – Андрей улыбнулся.

– Время покажет, – ответил Петровский, – уж точно не овца. Давай! – они снова выпили.

– Это мне знакомо, – задумчиво проговорил Соболев, – принцип джунглей. Сильный, жесткий, не во всем правильный, но имеющий право на существование. Думаю, свои коррективы ты еще внесешь.

– Это вряд ли, – уверенно ответил Петровский.

– Поживем – увидим, – Соболев снова не стал спорить, – позволь еще один вопрос?

– Валяй, – разрешил Петровский.

– Ты решил одну проблему, но тем самым создал другую, еще большую, – начал Андрей, – как собирался решать ее, у тебя ведь был какой-то план? Ну, если убрать из всей этой истории меня?

– Предложил бы денег, других вариантов не вижу, – Петровский пожал плечами.

– А у тебя есть такие деньги? – улыбнулся Андрей.

– Достать деньги можно всегда, если есть руки, ноги и голова, это дело третье, – ответил Петровский, – надо было

решать вопрос там, на месте. По-моему, это единственный выход, нет?

– Смело, – оценил Соболев, – но, увы, он бы тебя просто послал...

– Почему? – удивленно спросил Петровский, – ему что, не нужны деньги?

– Очень нужны, – Андрей не переставал улыбаться, – но не от тебя.

– Не понял, – резко заявил Петровский, – можно с этого момента поподробнее?!

– Понимаешь, своя этика и свои правила есть во всем, – объяснил Соболев, – как ни забавно, но и в коррупции тоже. Ты не можешь просто так прийти, к кому вздумается, дать денег и решить какой угодно вопрос. Тебя пошлют к чертовой матери и будут правы...

– Но почему? – недоумевал Петровский, – если я знаю, что кто-то берет деньги! Логично предположить, что знают все остальные, правильно? Зачем корчить из себя святого, если все знают, из какого ты теста, верно?

– Нет, – Андрей покачал головой, – неверно. Ты не знаешь, как не знают и все остальные. Ты лишь опираешься на слухи, предположения, и откуда все это? Из пятых рук? Нет, брось, это бред, – он усмехнулся, – не думаю, что ты поймешь в полной мере, но попробую объяснить. Скажи, что очень легко, извини, про... ь и не купить не за какие деньги?

– Много чего, – задумчиво ответил Петровский, – честь,

уважение...

– Одним словом, – помог Соболев.

– Репутацию, – предположил Петровский.

– Молодец, – Андрей удовлетворенно кивнул, – все правильно, репутацию. И своей репутацией дорожит даже самый двуличный человек. В контексте конкретной ситуации: если сегодня декан возьмет деньги у кого попало, не обижайся, – он примиряюще поднял руку, – завтра его репутация ничего не будет стоить ничего. И об этом, поверь, будет известно. А народ чувствует, – Андрей ухмыльнулся, – и, вопреки всем домыслам, народ способен отличить правду от «желтухи». Они поймут, если это действительно было, ты уж поверь. Ты понимаешь меня? – он снова заглянул Петровскому в глаза. Это было интересное общение. Соболев все время заставлял его думать, он, словно разгадывал одну загадку за другой, но Андрей делал это так филигранно, что это не раздражало, а лишь подогревало интерес к дискуссии.

– Понимаю, – Петровский медленно переваривал предоставляемую Соболевым информацию, – нельзя просто так ни с кем, ни о чем договориться. Для этого нужны люди. Те, кому доверяют, с кем считаются. Общение с такими людьми не уронит репутацию. Они есть среди студентов, – Петровский посмотрел Соболеву в глаза, – ты – один из таких людей, – он не спрашивал, а утверждал, – но раз ты стал, значит, это возможно, правильно? Почему бы самому не стать таким человеком, я верно мыслю?

– Возможно, – расплывчато ответил Соболев, – но ты снова торопишь события. Не забегай вперед, Костик. Жизнь и без того скоротечна.

Аня Савельева свернула во двор, решив срезать путь до своего дома. После занятий они задержались с одноклассниками в пиццерии, теперь на улице уже окончательно стемнело. Что ж, жизнь налаживалась. Ребята в группе были, в целом, неплохие, отношения с преподавателями установились, да и Олег с четвертого курса был парень интересный... Аня улыбнулась. Действительно, пора было забывать прошлое и начинать жить настоящим. И будущим. А оно обещало быть светлым...

– Ух ты, какая красotka! – из размышлений Аню вырвал грубый оклик. Понять, что это касалось ее, было нетрудно, – девушка, куда же вы спешите? Давайте познакомимся!

Аня решила избрать самую правильную на ее взгляд стратегию и просто ускорила шаг, никак не реагируя на оклик в свой адрес. Может, надоест и отстанут? Нет, бесполезно. Сзади послышались шаги. Ее кто-то стремительно нагонял и, похоже, он был не один.

– Ну, ты куда, красавица? Вечер только начинается! – ей наперерез выскочил парень в джинсах и толстовке, на вид – типичная шпана.

Аня остановилась. Сзади послышался хохот. Краем глаза она увидела еще одного – высокого и крепкого, с коротким рыжим «ежиком» и веснушками. Понятно. Районная «братва».

– Я тороплюсь, – коротко ответила Аня и попыталась обойти назойливого ухажера. Тот не пропускал.

– Да ладно, куда ты там торопишься, брось, дома скучно! – заржал «ухажер». Аня попыталась обойти с другой стороны, но он схватил ее за руку.

– Пусти, больно! – выкрикнула она, мгновенно теряя привычную интеллигентность.

– Витек, она не хочет! – «ухажер» расхохотался, – какая ты напористая, люблю таких! Давай поиграем!

– Отвалите, кричать буду! – воскликнула Аня, холодея от ужаса. Только сейчас она почувствовала стойкий и отвратительный запах перегара. Эти «ухажеры» были явно пьяны и настроены решительно.

– Кричи, кричи, мне это нравится! – заявил первый. Второй к этому времени подошел почти вплотную. От него помимо алкоголя пахло еще и крепкими дешевыми сигаретами.

– Мальчики, отпустите меня! – взмолилась Аня. От страха она уже была едва жива. Обидчик держал крепко, вырваться возможным не представлялось, – помогите! – это должен был быть громкий крик, но от нахлынувшего ужаса горло словно схватили удавкой, и она скорее просипела, чем за-

кричала.

– По-моему, дама все-таки не хочет знакомиться, ты явно не в ее вкусе! – в этот момент откуда-то сбоку послышался насмешливый оклик.

Хулиган отпустил Анину руку. Оба парня синхронно повернулись на голос. Сейчас самым логичным было бы побежать со всех ног, но она почему-то стола, как вкопанная и смотрела туда же, куда ее обидчики.

Из темноты навстречу не в меру веселым «ухажерам» шагнул среднего роста паренек с вьющимися светлыми волосами и голубыми глазами. Парень курил сигарету и насмешливо смотрел на хулиганов. Он не был крупным и ничего угрожающего в его внешности тоже не наблюдалось, однако чувствовалась какая-то странная уверенность, которая, видимо, и мешала хулиганам немедленно кинуться на этого безобидного на первый взгляд молодого человека.

– Ох ты, какой Бэтмен нарисовался! – рыжий ухмыльнулся, – парниша, иди, гуляй своей дорогой, пока мы хорошие!

– Заманчивое предложение, – парень усмехнулся, – увы, я не могу этого сделать!

– Помочь? – угрожающе осведомился Анин «ухажер».

– Да я бы сам справился, но как я могу идти своей дорогой, когда мне ее переходят два типа, которые достают девку, виноватую только в том, что эти организмы перебухали? – паренек вдохнул дым и расплылся в, казалось бы, добродушной улыбке.

– Слышь, тебе надо больше всех? – хулиганы переглянулись.

– Слышишь, клоун, твою мать, тебе сказали, вали на х... отсюда, пока е...о не сломали! – отчетливо произнес рыжий.

– А вот мать мою трогать не надо! Да и цирковое я не заканчивал! – паренек вновь улыбнулся и сделал едва заметный шаг вперед.

– Ты больной? – осведомился «ухажер», – тебе сказано: вали на х...!

– Мне всегда было интересно, – задумчиво начал парень, затягиваясь сигаретой, от которой уже почти ничего не осталось, – что будет, если такому тупому ограниченному элементу, как ты, задать твой же любимый вопрос? – он в последний раз затянулся и метко запустил окурок под ноги «ухажеру», – ты чего такой дерзкий? – парень смотрел в глаза.

– Да ты че, п...р! – рыжий прыгнул вперед и попытался ударить паренька. Тот мгновенно уклонился и, швырнув того себе за спину, тут же ударил ногой «под дых» мгновенно бросившегося на него «ухажера». Тот согнулся пополам, а Анин непонятно откуда появившийся защитник, в одно резкое движение обогнул его и мощным ударом в челюсть отправил в нокаут.

– Тварь! – Рыжий уже оправился и опять бросился в лобовую атаку. Идиот. Парень ушел немного влево и сбил с ног разогнавшегося противника, который распластался на ас-

фальте. Опомниться он уже не позволил. Короткий удар ногой в осеннем ботинке по лицу, а затем еще два кулаками, окончательно решили исход боя не в пользу неудавшихся «ухажеров».

Аня стояла, как вкопанная и, не веря своим глазам, смотрела, как этот худощавый и безобидный с виду паренек только что быстро, четко и жестко расправился с двумя хулиганами.

– Думаю, продолжать не имеет смысла! – переводя дыхание, он обратился к рыжему, который несмотря на три сильных удара, был в сознании, – приведи в чувство своего бойфренда и идите домой ребят, а то не ровен час, нарветесь!

– С...а! Мы тебя еще найдем! Ходи, оглядывайся! – пригрозил рыжий, сплюнув кровью на землю.

– Обязательно буду! – пообещал паренек и повернулся к Ане, – жива-здорова? Ну, чего стоишь, пошли, провожу до дома! Не бойся, я не пристаю! – он расплылся в улыбке и примиряюще поднял руки, – просто не ровен час, эти реванш взять захотят! А они только с девчонками драться и умеют!

На этих словах рыжий злобно покосился на парня, но благоразумно промолчал. Защитник взял Аню за руку и повел подальше от хулиганов.

– Я хоть правильно веду? – осведомился он, когда они отошли достаточно далеко, – а то ты молчишь все время, я же не знаю, где ты живешь! – ее спаситель на всякий случай пе-

риодически оглядывался, но погони за ними, как и следовало ожидать, не было.

– Да, – Аня пришла в себя и, наконец, ответила, – спасибо...

– Было бы за что! – он рассмеялся и отмахнулся, – меня, если что, Славик зовут! Славик Логинов. Первокурсник из НГПУ!

– Прикольно, я тоже из НГПУ, с юрфака, – они замедлили шаг.

– А я с инженерного, – сказал Славик, – ты тоже только поступила?

– Ну да, – ответила Аня, – а ты где так научился драться?

– Не похож на супергероя, выбивающего дурь из бандитов? – Славик понимающе улыбнулся, – знаю, что не похож! В армии научили, – он посмотрел на Аню.

– В армии? – она изумленно подняла брови, – тебе сколько лет?

– Двадцать один, – спокойно ответил Славик.

– Ты не обижайся, просто я себе дембелей немного по-другому представляла, – Аня смутилась.

– А уж младших сержантов запаса – тем более? – Славик вновь засмеялся, – да не переживай ты, я уже привык! Мне даже сигареты в магазине без паспорта не продают!

Аня тоже рассмеялась.

– Поздновато ты с пар! – заметил Славик.

– Да с девчонками там задержались, – ответила Аня

и тут же насупилась, – стоп, а с чего это я перед тобой отчитываюсь? – она улыбнулась.

– Вот, пошла логика, уже хорошо! – Славик расхохотался, – да так спросил, разговор поддержать...

– Сам-то тоже поздновато гуляешь, – усмехнулась Аня.

– Как видишь, мне можно, – Славик кивнул в сторону места недавнего побоища и подмигнул.

– Слушай, а почему ты в двадцать один и только на первом курсе? – спросила Аня, – даже если сразу в армию, тебе должно быть не больше двадцати, нет?

– Да там долгая история! – Славик махнул рукой, – сначала в НГА учился, потом отчислили, потом армия и... и вот я здесь! А, нет, не такая долгая получилась. Я так и хотел!

Аня снова засмеялась. Славик просто излучал радушие и обладал великолепным чувством юмора.

– Пришли, – заметила она, – это мой дом, – она указала на блочную девятиэтажку.

– Тогда, пока! – Славик улыбнулся, – надеюсь, в подъезде тебя никто не поджидает? Давай, в универе пересечемся! – с этими словами он быстро развернулся и зашагал прочь.

– Пока, – негромко сказала Аня ему вслед. Она была слегка удивлена такому развитию событий. Славик не приставал, не потребовал ее номер телефона, никуда не приглашал, просто возник в нужный момент, защитил, проводил до дома и все. Растворился в темноте, откуда и появился. Точно, как супергерой какой-то. Это сравнение вновь вызвало у нее

улыбку.

– Ну что, если удовлетворил любопытство, твоя очередь! – Петровский поставил на стол стакан после принятия очередной порции горячительного напитка и посмотрел Соболеву в глаза.

– Спрашивай, – Андрей развел руками, – я пока не услышал вопроса...

– Да брось, все ты понял, – Петровский усмехнулся, – зачем? Зачем тебе понадобилось отмазывать каких-то никому не известных первокурсников, которые кроме умения махать руками и не забиваться в угол при виде пары старшекурсников ничем, по идее, не примечательны?

– Я так понимаю, ответ про благородные позывы тебя не устроит? – рассмеялся Соболев.

– Правильно ты понимаешь, – Петровский согласно кивнул, – так почему?

– Как бы тебе это объяснить... – Соболев задумчиво посмотрел в потолок.

– Попроще, желательно.

– Ну, смотри, ты ведь знаешь, что я на пятом курсе, – начал Андрей, – выпускном курсе ВУЗа. Пройдет меньше года, я уйду отсюда и никогда больше не вернусь...

– Как-то грустно звучит, – проговорил Петровский, па-

раллельно наливая, – ты же вроде выпускаться собираешься, а не на тот свет...

– Грустно, – подтвердил Соболев, опершись на руки, – грустно от того, что все, накопленное за эти пять лет в мгновение ока станет ничем. То, что было нажито риском и трудом с моим уходом превратиться в прах. Потому что просто не с кем это разделить, понимаешь меня? – он внимательно посмотрел на Петровского.

– Похоже, начинаю, – задумчиво ответил тот, – но все-таки объясни популярно.

– Год за годом я ждал чего-то, смотрел на людей, и... – Соболев сделал неопределенный жест рукой, – нет, народ вокруг в основном неплохой, но... с какой-то очень абстрактной целью что ли. Или без цели вообще. Или просто плывет по течению. Нет искры...

Петровский барабанил пальцами по столу, слушая собеседника. Он пока не совсем понимал, к чему ведет Соболев, но догадки в голове уже строились.

– Вся эта ситуация, в глобальном масштабе, одна из многих, но мне показалось... что в тебе есть что-то такое, чего нет в большинстве других твоих одногодок, – продолжал Андрей.

– Например? – Петровский приподнял брови.

– Амбициозность, – ответил Соболев, – настоящая решительность. Способность сознательно взять инициативу в свои руки и не побояться ответственности. Желание разо-

браться в любой проблеме до конца, не боясь ошибиться, методом проб дойдя до всего своим умом...

– Стоп! – Петровский поднял руку, – все, что было после драки, ты сделал осознанно, так? Ты пришел к Карнаухову и отмазал нас, целенаправленно не дал худо-бедно внятных объяснений, чтобы заставить нас гадать на кофейной гуще, потом специально пропал, сделал так, чтобы народ о тебе не распространялся... тебе было интересно, что я сделаю! – он понял.

– Видишь, ты вновь меня не разочаровываешь! – Соболев улыбнулся и поднял бокал. Они выпили, – да, я не мог идти с тобой на откровения, основываясь на одних лишь догадках, нужно было убедиться в правильности своих мыслей относительно тебя.

– И как, убедился? – Петровский усмехнулся и взял с тарелки дольку лимона.

– Скажем так: пока ты меня не разочаровываешь, – туманно ответил Соболев, – ты уже примерно понял, к чему идет весь этот разговор?

– Примерно, – сказал Петровский, – пока что складывается впечатление, что ты собираешься мне что-то оставить. Некое наследие. Что-то такое, что нельзя просто увидеть и потрогать, но от этого оно не становится менее ценным. Все так?

– Я пока еще ничего не решил, – ответил Соболев, – но в остальном ты прав. Я вижу в тебе человека, который

может сохранить те знания, что накопил здесь я. Возможно, приумножить, передать кому-то, а может, воспользоваться самому и превратить в пыль, всяко может получиться...

– Примерно понял, – Петровский кивнул, – пазл еще не до конца сложился, но по ходу дела врублюсь...

– Ты должен понять одну главную вещь, – Андрей посмотрел ему в глаза, – эти пять лет – целый пласт твоей жизни. Очень важный пласт. Если хочешь, генеральная репетиция, основная тренировка перед настоящей взрослой жизнью. Каким ты выйдешь на сцену к главному акту – зависит только от тебя. Но и эта дорога полна сюрпризов. И на ней достаточно мин, поверь. Я покажу тебе, где они лежат. От тебя я потребую только одно...

– Что? – Петровский с нетерпением посмотрел на собеседника.

– Просто будь достойным человеком, – закончил Соболев и залпом допил виски.

– И все? – Петровский недоверчиво поднял брови, – так просто?

– Поверь мне, Костя, это – одна из самых сложных вещей, о которых я вообще могу тебя попросить, – заверил его Соболев, – придет время, и ты это поймешь. Очень четко поймешь...

Октябрь 2010

– Слово для поздравления предоставляется декану юридического факультета Нобельского Государственного Политехнического Университета, Карнаухову Алексею Станиславовичу!

Послышался свист и аплодисменты. Декан дождался тишины в зале, прокашлялся и начал речь.

– Уважаемые студенты, друзья, в скором времени, надеюсь, коллеги, – говорил он, – сегодня особенный день. Сегодня вы стали студентами по-настоящему. Вы вступили в большую семью под названием «студенческое братство». Впереди вас ждет...

– И так далее полчаса, – Фролов ухмыльнулся, разглядывая зачетку, – любит он поговорить, конечно.

– Скажи спасибо, что держишь в руках студенческий, – негромко проговорил Петровский, – мог вылететь отсюда еще до его получения, так что прояви солидарность и потерпи долгие речи Карнаухова, – он бегло посмотрел на сцену. На секунду они с деканом встретились глазами и Петровскому показалось, что взгляд Алексея Станиславовича задер-

жался на нем...

– Кстати, пацаны, на неофициальную часть пойдём? – Фролов подмигнул.

– Ты про клуб? – уточнил Петровский, – да можно будет. Асхат, ты что скажешь?

– Я за, – тот впервые за долгое время искренне улыбнулся, – мы же, вроде как, друзья...

– Вот и ладненько! – сказал Фролов, потирая руки, – уже слышали про то, что пока билеты дешево, потом типа цена вырастет? Так вот, это все фуффло, – заявил он, сияя от радости, – профорги тупо навариваются...

– Велосипед не изобрел, но попытка засчитана, – подколот Петровский, – давай ближе к делу.

– Короче, есть у меня человек в их секте, – продолжил Фролов слегка обиженным тоном, – я с ним «докашлялся», короче, продаст он нам три билета по реальной цене.

– Смотрю, ты времени зря не теряешь, – заметил Петровский. Асхат ухмыльнулся.

– Не тебе же одному с твоим Соболевым бухать! – в голосе Фролова вновь послышались обвинительные нотки, – дядя Дима тоже на месте не сидит и делает для своих пацанов, что может! Кстати, я так толком и не понял, что там за дела у вас с Соболевым?

– Да я сам пока не до конца понял, – расплывчато ответил Петровский, – скажу одно: поддержка, судя по всему, у нас будет хорошая...

– Еще раз поздравляю всех студентов с этим замечательным днем! – закончил Карнаухов, – на этом церемонию посвящения первокурсников в студенты юридического факультета НГПУ объявляю закрытой!

Все начали вставать со своих мест. Петровский, Фролов и Асхат постарались как можно быстрее покинуть актовый зал, чтобы не толпиться и забрать верхнюю одежду из гардероба: начало октября выдалось на редкость холодным. В вестибюле, вопреки ожиданиям, уже был народ, пока еще не так много. Петровский заметил Семенова, надевавшего куртку.

– Здравствуйте, Антон Алексеевич! – окликнул он с легким вызовом.

– Здравствуйте, ребята! – Семенов улыбнулся, – еще раз поздравляю!

– Спасибо, и вас также, – Петровский тоже улыбался, казалось, добро и открыто, на деле же с сарказмом и как-то позмеинному.

– Все-таки зря ты, похоже, к нему прицепился, – заявил Фролов, когда они вышли на улицу и остановились в курилке, – по-моему, ты в нем ошибаешься.

– Увидим, – недоверчиво произнес Петровский, закуривая, – недолго осталось...

– Ну что, мужики, это событие! – громко сказал Фролов, – предлагаю отпраздновать!

– Бухать-то не надоело? – с иронией осведомился Петров-

ский.

– Костенька, как такой кайф вообще может надоесть! – Фролов похлопал его по щеке.

– Руку убрал на хрен! – шутливо сказал Петровский, – ладно, чтобы не тратить х...у тучу бабла, предлагаю ко мне, хата все равно отвязана.

– Голова, Костян! – оценил Фролов, – сейчас и девчонок намутить попробуем. Эй, девчонки! – он поспешил к одногруппницам, которые уже собирались расходиться.

– Ставлю квартиру, отошлют, – ухмыльнулся Петровский, – через месяц с небольшим не пойдут на хату...

– Знаю, – Асхат тоже улыбнулся, – но не будем рушить его мечты...

Петровский расхохотался в голос. Асхат вновь попал в самую точку, как это обычно и происходило. Фролов через некоторое время вернулся с расстроенным лицом.

– Что, Казанова, отшили? – участливо осведомился Петровский.

– Шутник хренов, сам бы попробовал, для вас же стараюсь! – заявил Фролов, – ну что, значит, сегодня сидим мужиками, да? – он положил здоровые руки парням на плечи, – предлагаю отпраздновать начало настоящего пути, парни!

– Говоришь прямо, как декан! – хмыкнул Петровский.

– Да что тебе декан, много он понимает! – отмахнулся Фролов, – нет, пацаны, я говорю о другом. Впереди нас ждет целая жизнь! И я почему-то уверен, еще нас ждет нечто гран-

диозное!

– Думаешь? – на этот раз Петровский вопреки обычаю не стал подшучивать над Фроловым, а посмотрел на него очень серьезно.

– Уверен, брат, уверен! – тот тревоги приятеля не разделял и был настроен оптимистично.

– Ладно, – Петровский отогнал непонятно откуда взявшиеся тревожные предчувствия, – давно хотел спросить, а вы случаем не знаете, к чему снятся пауки?

– Привет, доктор Фрейд! – Фролов захохотал, – ни за что не поверю, что ты веришь в эту лажу про сны! Ну, ты дал, Костян, пауки!

– Нет, я тоже не в курсе, – Асхат не смеялся, а просто ответил, – «загугли», да и все, раз так интересно. А что?

– Да нет, ничего, забейте, я так спросил, – поспешно ответил Петровский, – пошлите в магаз, затаримся, потом ко мне двинем.

3. Стая

– Нельзя познать жизнь с высоты лет, это неверная трактовка. Ее можно познать лишь с высоты опыта, приходящего вместе с теми или иными событиями, поступками, и... ошибками.

– Конкретнее?

– Приведу знакомый всем пример. Иногда нам кажется, что будет проще замаять ту или иную ситуацию во избежание лишних проблем. Сделать вид, что чего-то попросту не было и да, до поры до времени такие решения кажутся правильными. Но никто не хочет думать о далеко идущих последствиях. В конечном итоге мы просто встречаем Сциллу, пытаясь избежать Харибды.

– Снова попрошу вас объяснить поподробнее. И желательно, поближе к делу.

– Поподробнее. Хорошо, я объясню...

Петровский рассчитался с буфетчицей и направился к одному из столов, заметив за ним Аня Савельеву с каким-то незнакомым парнем.

– Я присяду здесь? – уточнил он, приблизившись.

– Да, конечно! – Аня пододвинула ему стул. Петровский поставил поднос с едой на стол и протянул парню руку.

– Константин, – представился Петровский.

– Славик, – ответил тот.

– Слава с инженерного факультета, – пояснила Аня, отхлебнув кофе, – с техфака...

– Погоди, это не ты случаем тот самый Бэтмен, о котором судачит половина нашей группы? – Петровский ухмыльнулся, глядя на Славика.

– А ты, надо полагать, тот самый Рокки, о котором судачит половина факультета, – в тон ему ответил Славик, тоже улыбаясь.

– Fama volat! – заметил Петровский.

– Обязательно узнаю, что это значит, как только переберу редуктор у трактора! – пообещал Славик.

Петровский рассмеялся. Анин спаситель начинал ему нравиться.

– Я, если что, человек простой, – сообщил Славик.

– Ну да, заметил, – кивнул Петровский, – за одnogруппницу тебе по любому спасибо, – он пожал собеседнику руку.

– Абсолютно не за что! – отмахнулся Славик, – не скажу за всех, но ты, надо полагать, поступил бы также.

– Ну да, наверное, – хмыкнул Петровский.

– Ты к Семенову идешь, Кость? – спросила Аня, меняя тему разговора.

– Конечно, иду, – Петровский расплылся в улыбке, – это

с недавних пор мой самый любимый преподаватель!

– Все-таки, зря ты с ним так, – заметила Савельева, – он прикольный.

– Поживем – увидим, – Петровский вновь не стал вступать в дискуссию, – кстати, кто как насчет клуба? Через неделю посвящение...

– Я не смогу, – коротко ответила Аня.

– Что так? А, понятно, больше не спрашиваю, – Петровский криво ухмыльнулся.

– Все тебе надо знать! – Аня смущенно улыбнулась, – не смогу и все!

– Ладно-ладно, не пристаю! – Петровский поднял руки, – Славян, а ты как? Есть, с кем пойти на «посвят»?

– Да я как-то еще не думал об этом, – Славик пожал плечами.

– Нет желания со мной и моей компанией, если один? – предложил Петровский, – ребята прикольные, адекватные, ты пацан тоже кажись нормальный. Что скажешь? За бабки не переживай...

– Да я за них вообще в последнюю очередь переживаю, – спокойно ответил Славик, – предпочитаю из-за такой фигни не заморачиваться...

Петровский с легким удивлением посмотрел на собеседника.

– Так что скажешь? Пойдешь? – он решил сейчас не разводить мировоззренческих дискуссий.

– Да ну давай сходим! – внезапно согласился Славик.

– Вот и заметано, погоди минутку! – Петровский достал сотовый телефон и набрал номер Фролова, – алло, Фрол! Что там твой сектант, живой еще? Отлично! Скажи ему, пускай подгонит еще один билетик на посвящение к тем трем, окей? Чего? Да не обнаглел я, не пыли! Давай, от души тебе! – Петровский положил трубку, – все, решен вопрос! Надо будет, кстати, еще столик забить. Сдается мне, аншлаг будет тот еще...

– Ты Диме звонил? – спросила Аня, вытирая губы салфеткой, – он опять Семенова прогуливает?

– Похоже на то, – Петровский пожал плечами.

– Попадет же в конце семестра, ты бы поговорил с ним, – посоветовала Аня.

– Да разговаривал, бесполезно, – Петровский отмахнулся, – свои мозги я ему вставить не могу, а он тоже уже не грудничок, пускай думает головой. Разгильдяйство тоже должно быть в меру и с умом...

– Ладно, пойдемте, – предложила Аня, – а то тоже опоздаем.

– Да нет, еще и покурить успеем, – задумчиво сказал Петровский, бросив взгляд на часы.

– Это без меня, – отрезала Савельева.

– А ты реально в армейке служил? – спросил Петровский, когда они вышли на воздух и закурили.

– Ну да, вроде бы ничего необычного, – Славик улыбнулся.

ся.

– И как там?

– Там по уставу, – с иронией ответил Логинов, – всякое было, конечно, но я тебе отвечаю, это не самая интересная тема для обсуждения.

– А из НГА почему ушел? – спросил Петровский.

– Не ушел, поперли, – ухмыльнулся Славик, – пиво не надо пить там, где не надо.

– ВУЗ-то буржуйский, – заметил Петровский, – попросил бы предков, решили бы по деньгам...

– Да нет, я не буржуй, я там на бюджете был, – Логинов посмотрел Петровскому в глаза, – а родителей я попросить не могу, нет их, сирота я, детдомовский...

– Блин, извини, – Петровский покачал головой. Ему почему-то на мгновение стало действительно стыдно. Он также заметил, что ответного вопроса о семье Логинов не задал. Оно и к лучшему.

– Да ничего, забей, – Славик выдохнул дым и посмотрел куда-то в сторону.

Макаров запрыгнул на турник и приступил к упражнению. Повторение. Второе. Третье. Резкая боль в спине пришла неожиданно и заставила спрыгнуть вниз и сесть прямо на пол. Она была такой сильной, что игнорировать ее уже

не представлялось возможным. Сергей скривился, держась за поясницу.

– Сергей, что с тобой, ты в порядке? – тренер Павел Дмитриевич подбежал к нему и взволнованно склонился рядом.

– Все в порядке, тренер, сейчас отпустит! – пообещал Макаров, стараясь не показывать, насколько сильной была сковавшая его боль.

Павел Дмитриевич вздохнул и опустился на пол рядом с Макаровым. Некоторое время они так и просидели молча, глядя на остальных спортсменов. Боль понемногу утихла, но Макаров знал, что при первом же силовом упражнении или броске она вновь даст о себе знать.

– Сереж, что происходит? – спросил, наконец, тренер, – ты думаешь, я ничего не замечаю?

– Говорю же, все в порядке, – Макаров попробовал улыбнуться, но Павел Дмитриевич строго посмотрел на него, – ладно, я слегка переоценил свои силы...

– Это называется слегка? – осведомился Павел Дмитриевич, – когда базовое упражнение приводит к таким последствиям? Сергей, ты же знаешь, что можешь все мне рассказать. Мы с тобой не чужие люди. Ты – один из лучших спортсменов в этом зале, я тебя уважаю, но и ты прояви уважение. Будь со мной искренним...

– Ну ладно, – Макаров поднял глаза на тренера, – не слегка. Понимаете, все опять упирается в деньги. Нам с матерью не хватает. Прилично не хватает. Вот и приходится ра-

ботать. У меня образования нет, приличную работу найти я пока не могу. Зато есть руки, а в них какая-никакая, а сила. Вот и зарабатываю физическим трудом...

– И много зарабатываешь? – дежурно осведомился Павел Дмитриевич.

– Достаточно, – ответил Сергей, – по крайней мере, на еду и жилье теперь хватает. Иногда еще и остается...

– Понятно, – тренер пожевал нижнюю губу, – Серег, ну если все так трудно, давай я тебе помогу...

– Не надо! – отрезал Макаров, – я и так вам по гроб жизни должен. Кстати, деньги за два месяца будут уже послезавтра! – вспомнил он.

– Да вот это вообще не горит, – Павел Дмитриевич отмахнулся.

– Совесть тоже надо иметь, – заявил Сергей.

– Серега, Серега, молодой ты еще! – тренер похлопал его по плечу, – зачем отказываешься, я же от души предлагаю. Ну, не хочешь так, давай со мной будешь работать, возьму тебя вторым тренером, зарплату буду платить. Серег, ну все лучше, чем вагоны с фурами разгружать! – он с надеждой посмотрел на Макарова.

– Павел Дмитриевич, думаете, я дурак и не понимаю? – Сергей рассмеялся, – как вы собираетесь платить? Из своего кармана? Второго тренера нам никто не проспонсирует, значит, вы тупо будете отдавать мне свои деньги... нет, так не пойдет. Не обижайтесь, но в по-моему, тоже небогато жи-

вете...

– Не миллионер, но хватает, – Павел Дмитриевич пожал плечами, – Серег, ты пойми одно. В жизни приходится всегда выбирать. Я тебя не пугаю, но с серьезными травмами допустить тебя до соревнований я не могу! А именно это и произойдет, если ты продолжишь упираться...

– Всегда приходится чем-то жертвовать, – уверенно заявил Макаров.

– Так не отказывайся от помощи! – воскликнул тренер, – всем людям иногда приходится к ней прибегать, в этом нет ничего унижительного!

– Я не считаю это унижительным, – Сергей покачал головой, – но я не могу принять помощь, которую люди оказывают в ущерб себе...

– Серега-Серега... – Павел Дмитриевич грустно покачал головой, – ладно, занимайся. Эй, ну чего, как сонные мухи? Антоша, ногами работай, ногами, что они у тебя как бревна?! Тахир, сколько раз я тебе показывал, как уйти от перелома в партер? Он тебе в ноги идет, ты не видишь, назад их убирай, назад!..

Ноябрь 2010

Петровский взял свою сумку и направился к выходу из аудитории. У самых дверей Семенов остановил его.

– Константин, одну минутку! Скажите, вы не знаете, а Дмитрий собирается посещать мои занятия? – спросил он, глядя на Петровского.

– У Дмитрия должны быть свои мозги, разве нет? – осведомился Петровский.

– Полностью согласен, – кивнул Семенов, – но мне показалось, что вы друзья, ты не можешь на правах друга пообщаться с ним? – Антон Алексеевич впервые за долгое время перешел на «ты», – передай от меня, пожалуйста, привет и скажи, что я не тиран, но и полное бойкотирование моего предмета не потерплю. Если он не изменит своего отношения, у нас с ним будут проблемы в сессию...

– Антон Алексеевич, хотите честно? – Петровский немного вспылал, – как по мне, все эти разговоры – пустой звук, пока человек сам не начнет жить своим умом! Фролов не маленький и должен сам прекрасно это понимать! Я говорил с ним один раз, повторять еще сотню, как тот попугай, не ви-

жу никакого смысла, не дошло единожды, не дойдет и потом, вы согласны?

– Все индивидуально, – заметил Семенов, – но право ваше. Твое и Фролова. Я лишь попрошу тебя передать ему мои слова, ты сможешь это сделать?

– Хорошо, – согласился Петровский, – ко мне у вас нет претензий? – в его голосе вновь послышался плохо скрытый сарказм и провокационные нотки.

– К тебе никаких, – ответил Семенов, – вопреки предположениям, уж не обижайся, буду откровенен, не ожидал рвения в дисциплине, но у тебя ни одного пропуска, да, кстати, мне понравился твой ответ на семинаре! У тебя своеобразный взгляд на коллективизацию, но... он имеет право на существование, – Антон Алексеевич хохотнул, – только одна просьба, впредь постарайся воздержаться от вольных выражений вроде «быдлота» и еще парочки, которые ты употребил в ходе беседы по теме, хорошо? Тут все-таки девушки...

– Я постараюсь, – пообещал Петровский, – Фролову ваши слова я передам. До свидания.

– До скорой встречи, Константин! – Семенов помахал ему рукой.

Фролов стянул с себя спортивную форму и надел брюки, висевшие на вешалке в раздевалке.

– Самбо – это тема! – он усмехнулся и дважды ударил по креплению для крючков.

– Здорово! – в раздевалке послышался резкий оклик.

Фролов поднял глаза. Вошедшего он узнал сразу. Парень с третьего курса, вроде бы, Миша. Сзади, в дверном проеме маячил еще один. Фролов знал обоих, но на тренировке решил сначала, что ему показалось. Нет, один из участников той самой драки, ходил в ту же секцию, которую начал посещать Дмитрий.

– Привет, – Фролов постарался не выдать напряжения в голосе, но он все равно предательски звенел.

– Значит, решил заняться «рукопашкой»? – Миша ухмыльнулся, – ну-ну...

– Что-то не устраивает? – Фролов еще помнил одержанную победу и на этих правах общался достаточно резко.

– По сути, меня не устраивает сам факт твоего существования, – Миша ухмыльнулся и подошел почти вплотную, – как и всех твоих дружков. Но это ничего, занимайся спортом, оно полезно...

– Толпой меня замесить хотите? – осведомился Фролов, тревожно косясь на второго третьекурсника, загораживавшего собой дверной проем, – тогда все узнают, чего вы реально стоите...

– Ты думаешь, я стану сейчас марать об тебя руки? – Миша оперся локтем о вешалку, – нет, ты этого не стоишь, родной. Если бы не твой Петровский, ты бы дал заднюю, как

миленький...

Стоявший в дверях ухмыльнулся. Миша изучающе разглядывал Фролова. Тот сглотнул.

– Это вряд ли, – сквозь зубы произнес Дмитрий.

– Тебе страшно, – Миша расплылся в улыбке, – тебе очень страшно, я вижу, не пытайся это скрывать. Не бзди, Димочка, драки не будет. Я только зашел узнать: ты планируешь участвовать в соревнованиях или как? – он выжидающе смотрел на Фролова.

– В смысле, в университетских, которые в марте? – уточнил Фролов.

– В них самых! – Миша радостно кивнул, – ведь если не идешь вперед, значит, идешь назад, да? – он прищурился, – так что, Дима?

– Не знаю пока, – ответил Фролов, – я только начал заниматься...

– Ну, оно и понятно, зассал, – Миша ухмыльнулся, – ладно, Димок, тренируйся, смотри, не травмируйся, а то всякое бывает. Петровскому привет! – он демонстративно повернулся спиной.

– Базар фильтруй, я не зассал! – Фролов прекрасно понимал, что его провоцируют и берут «на слабо». Он знал, что соглашаться, по идее, глупо. Самым рациональным сейчас было послать Мишу вместе с его соревнованиями подальше и просто забыть. Но он был слишком заводным, чтобы вовремя отступить.

– А как это еще понимать, Димасик? – Миши целенаправленно играл с его именем, подбирая его уменьшительно-ласкательные формы, дабы продемонстрировать свое превосходство.

– Когда там говоришь, в марте? – Фролов твердо посмотрел в глаза, – я буду участвовать!

– Хорошо, Димка, хорошо! – улыбнулся Миша, – тогда подойдешь к тренеру и изъявишь желание! Если захочет тебе отказать, я посодействую! – пообещал он, – до встречи на татами, Димок!

Миша и второй студент, имени которого Фролов не помнил, покинули раздевалку. Он рухнул на лавку и шумно выдохнул, облокотившись о стену.

– Дима, ты дурак?! – наседал Петровский, – какого ляда ты на это подписался? Нет, ты скажи, почему тебя так легко взять на понт?! Не мог их послать?

– Значит, не мог! – буркнул Фролов, – Костян, не было там другого выхода!

– Выход есть всегда, башкой надо думать, а не задницей! – рявкнул Петровский.

– Да ладно, Костян, не гони на него, эти бы загнобили, знают, на что давить! – заметил Асхат.

– Ты понимаешь, да, для чего все это? – прошипел Пет-

ровский, – ты знаешь, сколько Миша Суровцев занимается самбо? Это ты в массовой уличной драке можешь с ним попрыгать, а на татами он тебя разорвет! – Петровский яростно смотрел на приятеля, – молодец, дал им официальное право реванша.

– Это мы еще посмотрим, кто кого разорвет! – хмуро заявил Фролов.

– Я же говорил: он дурак! – Петровский посмотрел на Асхата и нарочито шумно вздохнул.

– Слушай, тебе-то какая разница?! – Фролов тоже вспылал, – это мое решение, последствия тоже скажутся на мне, ты не страдаешь, не переживай!

– Ошибаешься, Дима! – Петровский в упор посмотрел на него, – последствия скажутся на всех, помани мое слово. Да и не совсем мы чужие люди. Ладно, поздно, заднюю включать теперь уже точно нельзя, сам подписался, сам думай, как расхлебать с минимальными потерями. У меня к тебе другой вопрос: ты к Семенову вообще ходить собираешься?

– Да приду, приду! – быстро ответил Фролов.

– Где-то я это уже слышал! – фальшиво удивился Петровский, – короче, Дима, дело твое, но Семенов просил тебе передать, что у тебя будут проблемы в сессию, если продолжишь в том же духе...

– Да приду, приду! – повторил Фролов.

– Я это уже слышал, дальше слов дело не заходит, – Петровский отмахнулся от приятеля, – в общем, я тебя преду-

предил, мое дело передать, решай сам, я тебе не няня...

– Слушай, а чего это ты так печешься?! – Фролов вско-
чил, заводясь окончательно, – ты же так уверен, что Семенов
нечист на лапу! Да и друзья у тебя высоко сидят, я посмот-
рю! – он в упор смотрел на Петровского, который тоже под-
нялся со своего места. Асхат на всякий случай встал рядом
с ними, чтобы предупредить возможную стычку.

– Фролов, ротик прикрой! – посоветовал Петровский.

– А то что? – прошипел тот, – меня не запугаешь, понял?
Что, я говорю какую-то неправду? Ты же уверен, что Семен-
нов «решается». А через твоего Соболева, как я понял те-
бя же, можно найти подход хоть к ректору, хоть к апостолу
Петру, верно? – Фролов смотрел в глаза, – или ты уже не так
уверен? Может, ты все-таки не всегда прав и конкретно в Се-
менове ошибся?

– Я не понимаю, почему ты так за него впрягаешься, –
проговорил Петровский сквозь зубы, – это он обещал со-
здать тебе проблемы, забыл?

– Я не за него впрягаюсь, – глядя в глаза, ответил Фро-
лов, – просто меня начинает накалять твоя напыщенность
и уверенность в том, что твоя правда – единственная...

– Пацаны, хорош, – коротко и очень твердо сказал Асхат.

– Это не я начал, – заявил Петровский, не опуская глаз.

– Да неужели? – Фролов фальшиво удивился.

– Пацаны, хорош, – повторил Асхат еще тверже.

Почему-то оба послушались его.

– Ладно, – Петровский повернулся, – лучше пообщаемся, когда ты остынешь. У всех был непростой день, давайте отдохнем от всего этого. И друг от друга тоже, – он ухмыльнулся, покосившись на Фролова.

Дмитрий открыл было рот, чтобы что-то ответить, но Асхат взял его за рукав, останавливая от дальнейшего разжигания конфликта.

– Серег, ну чего, на тебя билет брать? – спросил Юра на пятиминутке.

– В клуб что ли? – спросил Макаров, – нет, не надо.

– Да ладно, хорош, пошли! – подначивал Юра, – это же посвящение!

– Что мне там делать, все равно не пью! – Сергей попробовал отшутиться.

– Ты из-за денег? – Юра нахмурился, – ладно, завязывай, Серый, я угощаю, чего ты!

– Вот этого точно не надо, – отказался Макаров.

– Слушай, Серж, я понимаю, у тебя принципы и все такое, – начал Юрец, – но, твою мать, это же посвящение! Серег, ну его нельзя пропускать, это не дело!

– А кто так решил? – Макаров усмехнулся.

– Студенческое братство, – нашелся Юра, – ладно, Серый, пошли, а? Да и сколько я там на тебя потрачу, если ты из-

за денег гонишь?! Все равно же не пьешь! – Юра похлопал его по плечу.

– Не делай так, – Макаров поморщился от боли.

– Извини, братан, – Юрец убрал руку, – что, травма на тренировке? – он понимающе посмотрел на Сергея.

– Ага, типа того, – уклончиво ответил тот, – ладно, Юрок, давай так: будет время и возможность – пойду. Нет – не обижайся, лады?

– Хорошо, – Юра развел руками, – учти, на входе билеты всегда дороже.

– Учту, – пообещал Макаров. Он врал. Он заранее знал, что никуда не пойдет. Ему было совсем не до клубов.

Грохот музыки был слышен даже с улицы. Петровский, Фролов и Асхат выбрались из такси. Возле входа уже собралась приличная толпа, которая росла с каждой минутой.

– Ну, где там Славик? – Петровский закурил и достал соевый телефон, – говорил ему, поехали с нами! Алло, Логинов? Братан, ну ты там через Владивосток что ли к нам едешь? Громче говори, тут галдеж, не слышно ни хрена! – разговаривая, Петровский отошел на несколько шагов от приятелей.

– Неслабая толпа собралась, – оценил Асхат, разглядывая собравшихся, – такими темпами до утра не зайдем...

– Зайдем, дядя Дима подсуетился, – Фролов ухмыльнулся, – через пятнадцать минут подойдем к «вишке», сектанты нас и проведут. Не пристало нам в этой очереди мерзнуть! – он хлопнул Асхата по плечу.

Петровский вернулся к приятелям.

– Через пять минут Логинов подъедет, – сообщил он.

– О, здорово! – Фролов протянул кому-то руку для приветствия.

Петровский развернулся и с удивлением увидел того самого крепкого кавказца, которого заметил еще в первый день в НГПУ.

– Знакомься, Джамал, это мои пацаны, Костян и Асхат! – представил Фролов, – мужики, это Джамал, он из одиннадцатой группы!

– Здорово! – Джамал коротко пожал Петровскому руку.

– У него в «одиннадцатой» почти все сдулись, поэтому он с нами, вы же не против? – уточнил Фролов.

– Да нет, все в порядке, – Петровский кивнул, – ждем еще одного и идем. Ты же нас проведешь? – он посмотрел на Фролова.

– Конечно, – они немного отошли, – слушай, Костик, я тут вспылил на той неделе, ты извини...

– Да ты тоже не держи зла, – ответил Петровский.

– Я так подумал, вроде как разделение труда получается, – улыбнулся Фролов, – ты налаживаешь контакты со старшими, я – с одногодками и всякими там профорганами. Ох, зажи-

вем, Костик, заживем!

– Политик! – Петровский ухмыльнулся, – вон он, Логинов приехал! Не прошло и полугода! Славик, мы здесь!

– Да вижу я, вижу! – Славик приблизился, улыбаясь во весь рот, – прошу прощение за опоздание, у службы такси на вооружении, как выясняется, асфальтовые катки!

– Я тебе номерок нормальной потом дам, – пообещал Петровский, – так, Димок, это все или еще кого-то ждем?

– Нет, все, – подтвердил Фролов, – все, мужики, за мной! – он уверенно зашагал в противоположную от главного входа сторону, на ходу извлекая мобильный телефон.

Они сидели за столиком, располагавшимся чуть в стороне от всеобщей суеты, здесь музыка была слышна, но не так громко, так что разговаривать не слегка повышенных тонах, было возможно.

– Что, по маленькой? – предложил Петровский Джамалу и Славику. Асхат с Фроловым ушли танцевать.

– Давай! – ни один не возражал.

Петровский разлил водку по рюмкам.

– Давай, пацаны, за знакомство! – сказал он, – и за хорошее продолжение вечера!

Они выпили и поставили рюмки на стол.

– А ты, Джамал, спортсмен у нас? – поинтересовался Пет-

ровский.

– Ну да, боксер, – спокойно ответил тот.

– Боксер? – Петровский приподнял брови.

– А ты думал, все кавказцы только борцы? – рассмеялся тот, – как видишь, бывают исключения из правил. Предупреждая твой следующий вопрос, я азербайджанец.

– Да я не расист, ты не подумай, – хмыкнул Петровский.

– Я уже по Асхату заметил, – улыбнулся Джамал, – давай еще по одной что ли...

– Что-то ты разошелся, – заметил Петровский.

– Знаешь, как давно не пил! – заявил Джамал, – сегодня вот планирую накидаться!

– Дело хорошее, – Петровский налил, – Славик, ты как?

– Одну пропущу, – ответил тот, – я вот что-то в салат нарезать не хочу.

– Твое дело, – Петровский пожал плечами, – а мы с Джамалом нарежемся...

– Не забыл, что завтра у Семенова у тебя вторая пара? – напомнил Славик, – ты, судя по вашим разговорам, зарекся его прогуливать.

– По болезни разок можно, – заявил Петровский, – а похмелье – болезнь ужасная. Да не бойсь, Славян, я тебе не Фролов, я берега всегда вижу!

– Да мне бояться нечего, он у меня вообще не ведет, – улыбнулся Славик, – хотя, знаешь что, уговорил, давай нарежемся, наливай мне тоже!

– Другой разговор! – обрадовался Петровский и взял в руки бутылку.

Фролов и Асхат, веселясь и улюлюкая, подбежали к барной стойке. Последний сегодня тоже позволил себе слегка раскрепоститься, катализатором послужил и принятый алкоголь, однако все еще был сдержаннее остальных. Петровский так и не стал мучать его расспросами, сам расскажет, если придет время...

– Дружище, две «Слезы змеи»! – выкрикнул Фролов, протягивая карточку бармену.

– А ты не разошелся? – окликнул Петровский через весь зал.

– Я, братан, еще только разогреваюсь! – ответил Фролов, обернувшись.

– Завтра подыхать будешь, мне не жалуйся! – выкрикнул Петровский.

– Не буду! – они с Асхатом залпом выпили горящие коктейли и подлетели к столу, – парни, без нас не пейте!

– Куда ты тянешь, банкира не меняют! – Петровский отобрал бутылку, – рюмки поставь, налью!

– Ну, пацаны, за нас с вами и за... с ними! – выкрикнул Фролов поддатым голосом.

– Оригинал, – хмыкнул Петровский.

– Костик, там такие девочки, такие! – заявил Фролов, схватив Петровского за плечо, – зря не танцуешь, братан, там просто бомбы! Я сегодня один уезжать не планирую!

– Ну, успехов тебе, – хмыкнул Петровский.

Он закурил и откинулся на спинку дивана. Его внимание привлек парень за барной стойкой, медленно тянущий пиво и думавший о чем-то своем.

– Эй, дружище! – позвал Петровский, – ты чего там сидишь, грустишь?

– Да не, нормально все! – поняв, что обращаются к нему, парень обернулся и отозвался.

– Ждешь кого? – спросил Петровский, поднимаясь из-за стола.

– Один, – новый собеседник покачал головой.

– Пошли к нам, за столом места много, «алкашки» – тоже, – предложил Петровский.

– Да не, хорош, неудобно, – буркнул парень, отхлебнув пиво.

– Да это ты хорош, – Петровский усмехнулся, – меня Костян зовут. Ты с первого курса тоже?

– Леха, – представился парень, – да, с первого. С ФИТа. Можешь звать Соловей. Как сам, наверное, догадался, по фамилии Иванов, – он ухмыльнулся. Петровский тоже. Они пожали руки.

– Ты и с ФИТа? – недоверчиво спросил Петровский, осматривая крепкого, слегка небритого парня.

– Не похож? – хмыкнул Соловьев, – ох уж мне эти стереотипы о программистах...

– Да нет, ты плохого не подумай, – открестился Петров-

ский, – я сам стереотипами не живу. А что один тут?

– Ну, как-то не нашел в группе общего языка, – ответил Леха.

– Бывает, – Петровский кивнул, – ладно, Леха, ты слушай сюда. У нас там за столом полно выпивки, места и теплая компания, кстати, разношерстная. И юристы есть и технарь, нам как раз не хватает программиста, так что пошли к нам. Нет, ну не хочешь, я уговаривать не буду, но у тебя ведь праздник? Праздник. Если не нашел общий язык со своими чудиками, это не обязательно твоя вина, есть и другие люди на свете, что теперь, тухнуть из-за этого? Так как? – Петровский выжидающе посмотрел на Соловьева.

– А, пошли, ты прав! – согласился тот.

– Ты по пиву? – уточнил Петровский, покосившись на его бокал, – а то у нас там и покрепче есть...

– Можно и покрепче, – согласился Соловей, – я там докину тогда, сколько должен буду...

– Да не парься, разберемся! – Петровский хлопнул его по спине. Они приблизились к столу, за которым все уже еще раз выпили и теперь оживленно общались.

– Нет, Славян, ну ты мне расскажи, ну чисто, как пацан пацану! – говорил Фролов, опершись руками на плечи Логина, – ну вот с дедовщиной там как? Мне просто тоже идти, как вот надо, морду сразу бить или что?

– Да ну какая теперь особо дедовщина, по году служат! – отмахнулся Славик, поняв, что Фролов не отстанет, – у ме-

ня особо не было. Ну как поставишь, так и будет, гнобить не станут, если не позволишь. А ты что, уже в армию собрался? – он насмешливо посмотрел на пьяного Дмитрия.

– Нет, ну сейчас прямо, нет, но попозже то – да! – заявил он, – без армейки-то никуда, в ментовку не возьмут, да блин... ни в какие органы не возьмут!

– Да ладно, у тебя же ровно все, устроят, – усмехнулся Славик.

– Вот ты не прав, Славян, вот в корне не прав! – Фролов поднял указательный палец, – я по жизни сам, понимаешь? Я взрослый пацан, вот Костян, он соврать не даст... Костян!

– Уже нарезался, – хмыкнул Петровский и хлопнул в ладоши, привлекая внимание, – эй, мужики, одну минутку, познакомьтесь: это Леха, он с первого курса нашего ФИТа. Если возражений нет, он присоединится к нам!

– Никаких! – покачиваясь, заявил Фролов.

– Лех, знакомься, это Асхат, Славик и Джамал, – указал Петровский, – пьяное существо у спинки дивана зовут Дима.

– Диман! – представился Фролов. Соловей улыбнулся и пожал ему руку, – Леха, выпьем?

– Можно, – негромко ответил Соловей.

– Вот это наш человек! – воскликнул Фролов, – Леша, дорогой, садись, мы тебе нальем, садись, садись! Асхат, братан, подвинься, дай человеку упасть!

– Облегчиться никто не желает? – спросил Петровский.

– Да, погнали! – Джамал поднялся со своего места. Асхат

тоже встал.

– Ну, бегите, за... и, а мы тут пока познакомимся, да, Ле-
ха? – Фролов снова разливал, уже сам.

– Слав, можно тебя попросить? Последи, чтобы он тут ни
с кем не сцепился, – негромко сказал Петровский, наклонив-
шись к Логинову.

– Не сцепится, – улыбнувшись, пообещал Славик.

Втроем они покинули основное помещение и направились
в уборную. Среди некоторых студентов уже творилось черт
знает, что. Кто-то обнимался по углам, кого-то тошнило, ко-
го-то уже выводили под руки на улицу крепкие жизнера-
достные ребята в обтягивающих черных майках и толстовках
с логотипами клуба, кое-где даже вспыхивали мелкие пере-
бранки...

– Совсем народ распоясался, – Петровский усмехнулся.

– Музыка, алкоголь и чувство свободы, которого не было
в школе, – задумчиво произнес Асхат, – кому хочешь башню
снесет...

– Нам же не снесло, – резонно заметил Петровский.

– Погоди, еще не вечер, – заверил приятель.

Внезапно взгляд Асхата переметнулся куда-то левее. Он
прищурился.

– Опа! А вон там сейчас по ходу что-то будет! – заявил
он, указывая взглядом.

Петровский присмотрелся. Компания из семи или вось-
ми человек окружила какого-то парня, находившегося явно

в не совсем трезвом состоянии. Минимум двое что-то агрессивно ему говорили. Один толкнул в плечо. Еще один подоспевший паренек, видимо, приятель того, на которого произошел «наезд», попытался что-то сказать, но его грубо взяли за ворот рубашки и стали что-то говорить, похоже, тоже угрожать. Двое охранников подошли к ним и что-то сказали. Бравые ребята кивнули и насильно, тычками и угрозами, потащили этих двоих на выход. В общем-то, больше охрана ничего не предприняла, на то, что восемь человек сейчас с ненулевой вероятностью будут избивать двоих, им было, видимо, наплевать.

– погоди, да это же Юрец, из моей, из одиннадцатой! – внезапно воскликнул Джамал, – а второго я не знаю. Вот шакалы, смотри, толпой выводят! – процедил он.

Петровский проводил удаляющуюся компанию взглядом. Мысли бежали вперед со скоростью света...

– Юрец – нормальный парень, адекватный? – уточнил он.

– Да нормальный, – ответил Джамал, – мы особо не общаемся, на своей волне пацан, но он мухи не обидит! А вот тех ребяток я совсем не знаю... – последнюю фразу он произнес напряженно, сжав кулаки.

– Понятно, – Петровский и Джамал переглянулись. Друг друга они поняли без слов, – Асхат, поднимай пацанов, через две минуты на выходе. Давай, братан, резко!

Асхат бросился в сторону зала. Петровский и Джамал стали быстро продвигаться к выходу из клуба.

– Считаешь это нормальным? – зло осведомился Петровский у охранника. Тот прекрасно понял, о чем был вопрос, но старательно его проигнорировал.

Они с Джамалом стали быстро спускаться по лестнице. У самых дверей слегка замедлили шаг. Где-то позади уже слышался торопливый топот ног, к ним спешили свои.

– Костян, что бы ни произошло дальше, спасибо! – Джамал посмотрел на него.

– Вообще не за что! – отмахнулся Петровский, – нормально все будет, разберемся!

Асхат, Фролов, Логинов и Соловей показались на лестнице. Не струсил никто, вышли все четверо.

– У кого там проблемы? Порву всех! – взревел пьяный Фролов.

– Дима, сейчас не звучи, пожалуйста! – одернул его Петровский, – пацаны, готовы? Все, пошли!

Вшестером они покинули здание клуба. Вся толпа отошла на приличное расстояние и теперь окружила того самого Юру и второго паренька. Слышался мат и угрозы. Кто-то из толпы отвесил Юре оплеуху, от которой тот пошатнулся. Друг попробовал заступиться, но получил удар в нос, унизительную пощечину и тут же был скручен и обездвижен. Петровский с приятелями быстро приближались. Все восемь членов теплой компании, а их было именно восемь, Петровский успел сосчитать, были так увлечены своими жертвами и чувствовали такую безнаказанность, что пока не замеча-

ли новых оппонентов. Эта компания совсем не была похожа на первокурсников, на вид народ был постарше.

– Вы, г...ы, я вас сейчас тут положу! – говорил один, видимо, самый резкий из всех.

– Пацаны, проблемы?! – резко осведомился Петровский, останавливаясь в каком-то метре от компании. Все остальные встали полукругом, рядом с ним.

– Чего?! – часть компании повернулась к ним, – а ты кто такой?

– Студент НГПУ, как и они, – Петровский усмехнулся, – а вот ты, по-моему, не оттуда. Вы вообще в курсе, что это вечеринка НГПУ?

– Слышишь, ты к ним какое отношение имеешь? – агрессивно спросил еще один, надвигаясь на Петровского, – с тебя тоже спросить, я не пойму? Ты друг их, ты какого сюда подошел?! Какие вопросы?

– Тебе же четко вопрос задали! – подал голос Логинов, – тебя спросили, какие претензии к парням? Вы толпой на двоих смелые, да? Кулаки зачесались, кого послабее решили найти?

– Самый умный?! – рявкнул «главарь».

– Пацаны, я не пойму, вы друзья их? – из толпы двинулся еще один, крепкого сложения, явно поддатый, но, на удивление, чуть более сдержанный, чем остальные, – вы с какой целью сюда подошли? За ними уже косяк, вы чего хотите? Вы за них в ответе, тогда и с вас такой же спрос...

– Я одноклассник его, – Джамал перехватил инициативу на себя, – пацаны со мной, хочешь что-то спросить, спроси меня, ты не видишь, он «синий»! – он кивнул на Юру, – я этого пацана знаю, он мухи не обидит, значит, вы его на ровном месте прессуете, что ты мне вкручиваешь? – он угрожающе выдвинулся вперед. Оппонент тоже сделал шаг, теперь они стояли почти соприкасаясь лбами.

– А ты в курсах, что этот синий к бабам чужим пристаёт? – осведомился «главарь», вновь подключаясь к разборке.

– Каким бабам?

– Чужим, б...ь!

– Ты не ори! Где тут бабы, какие, я не вижу!

– Тебе привести?!

– Попробуй!

Обе компании сблизилась на опасное расстояние. Юра был в шоке от происходящего. Его приятель заметно трясся от страха.

– Слушай, а на бабах что, написано, что они твои?! – со злой насмешкой осведомился Петровский, – и какие тут такие твои девки, ты тут вообще левый! Короче, ты, забирай Юру или как вас там, и езжайте домой отсюда! Ну, быстрее! – рывкнул он, обращаясь к несостоявшимся жертвам.

– Э, куда собрались, разговор не окончен! – окликнул «главарь».

– А я сказал окончен! – отрезал Петровский, – пацаны, оглохли? Домой!

– Стоять! Стой с...а!

– Э, куда пошел! – Фролов бросился наперерез одному из членов агрессивной компании, пытавшемуся остановить Юру и его приятеля.

– Ты че, с...а, основной?! На! – «главарь» ударил Петровского в лицо.

Моментально вспыхнула массовая драка. Посыпались удары. Фролов бросился на противника, оба упали на землю в яростной схватке.

– Да валите вы на х...р! Быстрее! – заорал Петровский, ударив врага ногой в лицо, обращаясь к Юре и его приятелю. Все равно толку здесь от них было немного, только сами получают и будут мешать.

В ту же секунду противник, налетевший слева, сбил Петровского с ног. Сверху прилетело два мощных удара. Петровский захватил врага и отбросил в сторону, вскакивая на ноги. Вокруг слышались крики, мат и ни с чем несравнимые звуки ударов.

– Петянь, ты смотри, так и знал, что эти шлепки что-нибудь выкинут! – сержант ППС Федоров привлек внимание напарника. Тот повернул голову и тоже увидел толпу дерущихся у клуба.

– Твою мать, совсем озверели, салабоны, давай туда! –

крикнул Петя, – четыреста восьмой-арка, массовая драка у ночного клуба, прием!

– Я – четыреста пятый, мы рядом, идем к вам, прием!

Федоров резко выкрутил руль, включая спецсигналы.

Завывшие совсем рядом сирены почти мгновенно привели в чувство, яростная драка остановилась за несколько секунд, противники вскакивали на ноги и бежали врассыпную.

– Менты, валим!

– Пацаны, бежим, менты! – выкрикнул Петровский, попутно вытирая кровь с разбитого носа.

– Они же сами начали! – проревел еще толком не пришедший в себя от алкоголя и адреналина Фролов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.